

Авантюрная челодрама

Литон
ЛЕОНТЬЕВ

КЛЮЧ К ВОЛШЕБНОЙ ГОРЕ

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

Ключ к волшебной горе

«ЭКСМО»

2005

Леонтьев А. В.

Ключ к волшебной горе / А. В. Леонтьев — «Эксмо», 2005

«Теряя, мы обретаем», – предсказал юной Полине Новицких старый цыган с попугаем на плече. Но что значат эти непонятные слова? Лето 1914 года кончается, осенью она выйдет замуж за сына известного адвоката Платошу Крещинского и будет с ним счастлива... Полина еще не знала, что скоро от беззаботной жизни и наивных надежд останутся одни воспоминания. После несчастного случая она лишилась родителей, и ее любимая тетя Лиззи, сговорившись с Крещинским-старшим, по-своему решила судьбу богатой наследницы: Полина оказалась в лечебнице для душевнобольных. Не сойти с ума по-настоящему ей помогла подруга по несчастью Герда. Томительному заключению положила конец революция, и девушки вместе с другими эмигрантами смогли уехать в Париж. Полина с трудом нашла работу официантки. И однажды она узнала в богато одетом господине адвоката Крещинского! Но где же его сыночек? Кажется, пора напомнить ему о бывшей невесте. Она уже так много потеряла, настало время обретать...

© Леонтьев А. В., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

I	6
II	8
III	11
IV	13
V	15
VI	18
VII	20
VIII	22
IX	25
X	27
XI	29
XII	31
XIII	33
XIV	35
XV	37
XVI	39
XVII	41
XVIII	43
XIX	45
XX	46
XXI	49
XXII	50
XXIII	53
XXIV	55
XXV	57
XXVI	58
XXVII	60
XXVIII	62
XXIX	64
XXX	66
XXXI	67
XXXII	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Антон Валерьевич Леонтьев

Ключ к волшебной горе

*Любить всей душой, а в остальном доверяться судьбе – таково
было ее простое правило.*

Владимир Набоков

Огромный дом скрипел и стонал, как будто его населяли мятежные призраки. Она сама была привидением, дочерью давно минувшей эпохи. Она теряла одного за другим – всех, кого любила.

Старая женщина – та, что находилась в большой спальне, – поежилась. За окном бушевал осенний ливень, зарницы освещали призрачное небо.

Она была одна. Совершенно одна.

И в то же время ее не покидало ощущение того, что в доме кто-то есть. Полина сидела в глубоком кресле. В камине гудело пламя, и его лохматые языки освещали спальню.

Особняк дышал и пульсировал. До старой женщины донесся тихий скрип ступеней центральной лестницы. Она вздрогнула.

Значит, в доме, кроме нее, кто-то есть. Часы показывали половину второго ночи. Она давно страдала бессонницей, поэтому никак не могла заснуть и грезилась воспоминаниями.

Кто же бродит по особняку в такую пору? Ступенька скрипнула снова. Некто поднялся по лестнице – к ней в спальню.

Старая женщина вцепилась в подлокотники кресла. Она не сможет убежать и скрыться. Ей некому помочь. А она нуждается в помощи: тот, кто медленно шел к ней, желал только одного – убить.

Раздался отдаленный раскат грома, блеснула змея фиолетовой молнии. Полина поняла – настали последние минуты жизни. Она чувствовала зло и ненависть, сгустившиеся в воздухе.

Она ждала своего убийцу. Смерть принесет ей избавление. Теряя, мы обретаем...

Бронзовая ручка осторожно пошла вниз, дверь тихо распахнулась. Полина подняла глаза и увидела того, кто пришел, чтобы расправиться с ней.

I

– Meraviglioso! Stupendo! Spléndido! Недюп-р-рственно. Cependant ce n'est pas Biarritz et pas Rivière. Ich sehe das Meer! – выдохнула мадмуазель Шнайдер, завидев лазурные волны, отливающие червонным золотом под лучами июньского солнца. – E montì...¹

Полина, улыбнувшись, заложила пальцем крошечный томик. Мадмуазель Шнайдер, как обычно, смешивала языки, пытаясь выразить чувства, охватившие ее. Милая мадмуазель Эдит Шнайдер, гувернантка ее матери, которая провела в их доме уже невесть сколько лет! Представить без нее семейство Новицких просто немыслимо!

– Pauline, what are you thinking about?² – с подозрением спросила вдруг по-английски мадмуазель Шнайдер, нескладная особа лет шестидесяти пяти, уроженка швейцарского кантона Фрейбург.

– Мадмуазель, я думаю о том, что мы скоро окажемся на месте! – ответила ей на чистом русском Полина Новицких. Она положила на столик книгу в золоченом переплете (в блестящей фольге лежала початая плитка шоколада «Бликен и Робинсон» – Полина была знатной сластенной), откинулась на удобный диванчик, обитый голубым бархатом, и на мгновение прикрыла глаза – роман Андрея Белого «Петербург» может и подождать!

Мадмуазель Шнайдер, как это часто с ней и бывало, журчала, подобно альпийскому ручью, роняя замечания на различных языках – ведь она появилась на свет в Лондоне, провела юность в Швейцарии, ее скончавшийся от чахотки супруг был австрийцем, а до того, как оказаться у семейства Кригера, она работала у итальянского графа в Лондоне.

«L'Express Adriatique»³ издал призывный гудок, оповещая пассажиров, что скоро они прибудут на конечную станцию, цель их путешествия – герцословацкий курорт Варжовцы.

Полина впервые путешествовала к Адриатике. Обычно родители выбирали для летнего отдыха Средиземноморье – Ривьеру, Монте-Карло, Бертран – или океанское побережье Франции – Биарриц. Однако в этом году выбор пал на Герцословакию и Варжовцы, которые только только начали входить в моду.

За прозрачным окном экспресса мелькало море, железнодорожные пути шли вдоль берега. Небольшая балканская страна представляла собой гористую местность, поросшую лесом, и только у самого моря белели шикарные виллы, отели и частные пансионы.

Два месяца назад Полине исполнилось семнадцать. Она чувствовала себя взрослой и готовой к настоящим чувствам. К тем самым, о которых так вдохновенно пишет Дмитрий Мережковский или Александр Блок... И она не сомневалась, что любовь, это волшебное чувство, не минует и ее в этом году. Стоял конец июня 1914 года – в позапрошлом году Российская империя с помпой отметила столетие начала войны с Наполеоном, а в прошлом – чествовалась династия Романовых, которая правила страной уже триста лет. Лето, как всегда, предвещало скуку, отдых на модном курорте, *dolce far niente*⁴ и возвращение в начале сентября в прохладный и светский Петербург!

– Полин! – В купе заглянула тетя Лиззи, кузина Ксении Теодоровны, матери Полины. – Матап просит зайти тебя!

Полина, со вздохом отломив квадратик от толстой плитки шоколада, проследовала за тетей в соседнее купе. Выбор пал на Герцословакию по совету маститых врачей: в последние месяцы Ксения Теодоровна, отметившая в январе свое сорокалетие, жаловалась на упадок сил,

---

¹ Великолепно! Прекрасно! Восхитительно! Однако это не Биарриц и не Ривьера. Я вижу море! И горы... (*ит., фр., нем.*)

² Полин, о чем вы думаете? (*англ.*)

³ «Адриатический экспресс» (*фр.*)

⁴ Сладкое ничегонеделанье (*ит.*)

постоянные головные боли и апатию. Ей предписали сменить обстановку и набраться энергии у моря. Варжовцы были известны своими целебными минеральными источниками.

– Ксения, дорогая моя. – Тетя Лиззи приоткрыла дверь купе, которое занимала вместе с Ксенией Теодоровной. Полина обожала тетю Лиззи – умная, целеустремленная, столь много повидавшая в жизни, она представляла собой тип *new woman*⁵ – и в одежде, и в поведении. Красивая, отлично разбирающаяся в веяниях последней парижской моды, тетя Лиззи могла с жаром вести беседу об эмансипации и суфражистках, о необходимости предоставления избирательного права женщинам и о том, что в далекой Америке есть смелые дамы, занимающиеся бизнесом и не зависящие финансово от своих мужей.

Полине всегда хотелось быть такой, как тетя Лиззи. Она даже внешне походила на тетку – Елизавета Фридриховна отличалась грацией и шармом, она не скрывала того, что ей делали лестные предложения многие знаменитые и богатые мужчины. В свои тридцать шесть она выглядела на двадцать восемь, фигура у нее была идеальной. Тетка занималась йогой, чему научилась во время путешествия по Британской Индии. Темно-рыжие, отливающие медью волосы обрамляли ее подвижное тонкое лицо. Тетя Лиззи презирала тех женщин, которые слепо подчинялись моде и старались походить на звезд синемаатографа. Она говорила, что красота в первую очередь находится здесь, и выразительно стучала указательным пальчиком по темени.

---

⁵ Новой женщины (англ.).

II

В купе матери царил полумрак и пахло чем-то кисло-целебным. Ксения Теодоровна пила особые капли, успокаивавшие нервы и снимавшие ее боли, о которых столичные врачи осторожно говорили, что они – плод фантазии самой пациентки.

Ксения Теодоровна полулежала на кушетке, тюльпанообразные бра, несмотря на то, что время приближалось к полудню, были зажжены, а штора на окне опущена. Ксения Теодоровна походила на свою кузину, тетю Лиззи, в молодости она считалась одной из самых красивых девушек Петербурга, именно ее красота и пленила будущего отца Полины Льва Новицких, который сделал Ксении Кригерс предложение через два дня после того, как увидел ее на балу у князей Годуновых-Чердынцевых.

Полина отметила, что мама выглядит уставшей. Под глазами залегли глубокие тени, как будто она провела бессонную ночь, кожа поражала белизной и хрупкостью, и вообще, Ксения Теодоровна походила на тонкой работы фарфоровую статуэтку. Она подала дочери мягкую руку и произнесла тихим голосом:

– Полин, я хотела тебя видеть...

– Мама, как твое самочувствие? – прильнула к матери Полина. Увы, у нее никогда не было доверительных с матушкой отношений. Тетя Лиззи была ей намного ближе. Мама же всегда возводила непонятный барьер между ними, полагая, что родители не должны излишне баловать детей своим вниманием и ласками.

Однако в тот момент Полина чувствовала нежность и сочувствие к страдающей маме. Впрочем, она слышала обрывки разговоров, которые вели отец и тетя Лиззи. Петербургские эскулапы полагали, что никакой физической причины для постоянных жалоб Ксении Теодоровны не существует и источник их – фантомы в голове пациентки. Ей рекомендовали успокаивающие капли, минеральные воды и смену обстановки.

– Полина, я хочу, чтобы ты заботилась об отце, когда меня не станет, – с жаром произнесла Ксения Теодоровна.

Полина погладила маму по руке и смиренно сказала (врачи запретили спорить с ней):

– Но, тамап, я уверена, что воды окажут целебное воздействие...

Ксения Теодоровна упрямо фыркнула, ее красивое лицо исказила гримаска упрямства. Полина знала, что унаследовала от нее ставшее легендарным семейное упрямство.

– Вы мне не верите, – сказала она резко. – Никто: ни эти новомодные врачи, последователи странного господина Зигмунда Фрейда, ни твой отец, ни моя *cousine*⁶, ни даже ты, единственная дочь моя! Вы считаете меня ипохондричной особой, которая в угоду собственным фантазиям закатывает скандалы и устраивает представления! Я же уверена, что мои дни сочтены! Сегодня ночью мне было так тяжело дышать, по моим жилам растекалась смерть!

Полина отвела взгляд. Она почувствовала, что «Экспресс-Адриатик» замедляет ход. Иногда внимать речам мамы было тяжелым занятием. Именно на это и намекали врачи – на то, что пациентка, избалованная богатством, принимает собственные выдумки за реальность и мучает себя и окружающих изобретенными ею же недугами.

– Поэтому, моя дорогая, ты должна быть сильной, – продолжала несколько капризно Ксения Теодоровна. – Ах, вот и снова!

Она схватилась за грудь и томно вздохнула. Полина поймала себя на непочтительной мысли, что в ее матери погибла замечательная актриса, вторая Ермолова, Комиссаржевская или непревзойденная Сара Бернар.

---

⁶ Кузина (фр.).

– Жар, меня охватывает жар! – прошептала Ксения Теодоровна. – Полин, ты мне не веришь! Мне никто не верит, и это более всего сводит меня с ума! Вели Глафире подать мне чаю! Хотя нет, я желаю горячего шоколада!

Полина знала, что, когда их верная горничная Глаша принесет матери чашку бразильского шоколада, Ксения Теодоровна во всеуслышание заявит, что хотела пить настойку валерианы или отвар из боярышника. Слуги в их особняке на Английской набережной в Петербурге давно привыкли к резким сменам настроения хозяйки и к ее причудам.

Полина покинула купе матери. Закрыв дверцу, она столкнулась с отцом – Львом Константиновичем Новицких, грузным мужчиной со смугловатым лицом, аккуратно подстриженными темными усами и бобриком на голове. Он был облачен в неизменный светлый пиджак, в петлице которого всегда красовалась гвоздика. Новицких улыбнулся, увидев дочь.

– Мама желает горячего шоколада, – передала ему требование занедужившей Полина. Лев Константинович склонил набок голову. Полина обожала отца, он был для нее всем: в детстве они вместе катались зимой на коньках или на санках, летом (когда выезжали в подмосковное имение) ходили купаться на пруд.

Полина сочувствовала отцу – она знала, что он все еще нежно и трепетно любит свою супругу, которая в последнее время сделалась невыносимой. Лев Константинович был писателем, хоть и неизвестным широкому кругу читателей, однако получившим признание в кругу профессионалов. Новицких являлся дворянином, наследником крупного состояния: его отец был товарищем министра юстиции, дядя занимался нефтяным промыслом, а дед отличился на войне 1812 года и штурмовал Париж. То, что Новицких являлся миллионщиком, ни для кого не было секретом. Лев изменил семейной традиции и не стал коммерсантом, предпочтя роль философа, мецената, человека искусств и *bel esprit*⁷. Его романы, слишком длинные и назидательные, печатались за деньги самого автора, что не мешало ему, однако ж, видеть себя одним из столпов российской беллетристики. В последние годы Новицких увлекся политикой, стал одним из наиболее активных членов партии кадетов и депутатом Государственной думы.

Отец никогда не старался подчеркнуть свое богатство, впрочем, и Ксения Теодоровна, выйдя за Льва Константиновича замуж, принесла в семью значительное состояние. Ее отец, Теодор Кригерс, уральский золотопромышленник, обладал к тому же огромными лесными угодьями, производил динамит и нитроглицерин. Полина привыкла к тому, что в Петербурге они обитают в трехэтажном особняке из розового гранита, в Царском Селе имеется роскошная дача, под Москвой их ждет старинный особняк с колоннадой и заброшенным садом. Где-то за Уралом есть еще чуть ли не замок, выстроенный ее дедом по материнской линии как подражание творениям чудаковатого баварского короля Людвига Второго. Родители считали это архитектурное безумие среди тайги с массой башенок и стрельчатыми окнами в стиле сказок о похищенных драконом принцессах и отважных принцах, отправляющихся на их освобождение, китчем и неуместными причудами заморского архитектора.

– Глафира, – произнес рокоchущим басом Лев Константинович. На его зов из соседнего купе появилась преданная горничная, хохотушка Глаша. – Ксения Теодоровна желает горячего шоколада! Как она? – спросил у Полины отец.

Та ответила:

– Мне кажется, что мама в самом деле страдает. Быть может...

Отец отрицательно покачал головой и заметил:

– Врачи уверяют меня, что никакого физического недомогания у нее нет, а все дело в душевном кризисе. Я не понимаю, из-за чего она так мучается. У нее есть абсолютно все – и в то же время чего-то не хватает! Впрочем, один из этих последователей психоанализа заявил, что ее проблема в том, что у нас все есть и любое ее желание тотчас удовлетворяется...

---

⁷ Дословно: блестящий ум; человек с тонким вкусом (*фр.*).

– Шоколад? Я не просила шоколаду! – раздался болезненно-тонкий голос Ксении Теодоровны. – Глафира, нельзя же быть такой нерадивой! Мне запрещен шоколад, он вызывает у меня спазмы сосудов головного мозга и страшнейшую мигрень! Я хочу липовый чай! Он успокаивает нервы!

Едва не плача, Глаша покинула купе хозяйки. Лев Константинович успокоил горничную, а затем сам отправился к жене – объяснить ей, что шоколад не так уж плох.

III

Их долгое путешествие подходило к завершению. Из Петербурга они отправились в путь на величественном «Норд-Экспрессе», конечной станцией которого был Париж. Коричневая стрела поезда (понизу вагоны были окрашены в кофейный цвет, а поверху – в цвет сливок) довезла их до русско-немецкой границы, станции Вержболово-Эйткунен. Там бокастую русскую колею заменил узкий европейский путь, а березовые дрова – уголь. Они пересели в состав из международных вагонов и продолжили путь по Германии. Экспресс ходил два раза в неделю, на нем состоятельные подданные Российской империи добирались до Центральной Европы.

Экспресс влачил по немецкой земле, минуя живописные деревушки и проезжая крупные города, наполненные жизнью, шумом трамваев и заграничной пестротой. И только ночью поезд полностью оправдывал свое волшебное название «Compagnie Internationale des Wagons-Lits et des Grands Express Européens»⁸. Рассекая тьму и мерно грохоча колесами, он пронзал сумрак своим электрическим глазом и мчал пассажиров все ближе и ближе к заветной цели.

Следующее утро пассажиры встречали в Бельгии; завтракая в ресторане, можно было видеть мокрые поля, шеренги тополей и похожий на *café au lait*⁹ туман в низинах. Чугунно-звонный *train de luxe*¹⁰ прибывал в Париж в четыре пополудни, потом следовала краткая остановка в одном из роскошных отелей, а затем «L'Express Adriatique», как две капли воды похожий на своего брата-близнеца «Норд-Экспресс», уносил пассажиров в Герцогство Адриатического моря.

– Мы подъезжаем, – объявила мадмуазель Шнайдер, когда Полина снова оказалась в своем купе.

Гувернантка жила в их семье уже больше тридцати лет, она помнила Ксению Теодоровну еще молоденькой и резвой девушкой и иногда (однажды даже при сановных гостях) звала ее *ma chère Xenia*¹¹. Впрочем, мадмуазель Шнайдер уже давно стала членом их семейства, и представить Новицких без этой смешной и взбалмошной особы было невозможно. Когда на свет появилась Полина, что произошло 19 апреля 1897 года, мадмуазель Шнайдер с утроенной энергией взялась за воспитание малышки, с самого детства прививая ей калейдоскопическую смесь из пяти языков, рассказывая на ночь страшные истории, от которых у Полины мороз пробегал по коже, и балуя сладостями, которые в изобилии водились в комнатке *mademoiselle*¹².

Полина покидала Петербург со смешанными чувствами. Платон – ведь он оставался там! Молодой фланёр и красавец Платон Крещинский, с которым она познакомилась на одном из балов. За день до отъезда семейства Новицких в Париж они тайно побывали в кинематографе «Пиккадилли» на Невском, и в темноте, под бравурную музыку тапера, Платоша впервые поцеловал ее. А потом, когда они поглощали слоеные пирожные «Наполеон» и птифуры с нежной розовой кремовой начинкой в кондитерской «Квисисана», он пал на колени, не обращая ни малейшего внимания на глядящую публику, признался Полине, что любит ее безмерно и будет счастлив видеть своей супругой. Полина рассказала об этой выходке надменного блондина, который был тайной мечтой всех столичных барышень, только тете Лиззи, и сердце у нее сладко защемило в ожидании чего-то невероятного.

⁸ Международное общество спальных вагонов и европейских экспрессов дальнего следования (*фр.*).

⁹ Кофе с молоком (*фр.*).

¹⁰ Экспресс (*фр.*).

¹¹ Моя дорогая Ксения (*фр.*).

¹² Мадмуазель (*фр.*).

Она боялась признаться себе, что любит Платона. Молодой человек, чей отец был самым известным петербургским адвокатом, считался превосходной партией. Платон – мужественный, так похожий на героя одного из приключенческих романов – просил ее сказать ему «да»!

– Он, я уверена, любит тебя, Полин, – сказала ей тетя Лиззи, искушенная в вопросах любви и сердечества. – Ты же знаешь, что его отец, Валериан Крещинский, самый популярный законник столицы. Платону двадцать два, и в его чувствах не приходится сомневаться. Но мой тебе совет – подожди, пока снова не увидишь его. Женщине никогда не следует сразу соглашаться на предложение вступить в брак. Впрочем, первый раз я оказалась перед алтарем в твоём возрасте, моя дорогая!

Тетя Лиззи открыто бравиовала тем, что была замужем три раза и каждый из трех браков расторгался по ее инициативе. Первым был престарелый лифляндский барон, за которого она вышла по воле родителей: аристократ оказался не только жутко богатым, но и страшно порочным. Развод наделал много шума, но газеты были безоговорочно на стороне беззащитной молодой супруги, которая поведала всем, что ее муж избивал ее кнутом и грозился утопить в Финском заливе.

После развода тетя Лиззи отправилась в долгое заграничное путешествие, объездила почти весь мир, в том числе и Европу, исколесила Америку, побывала у далай-ламы и работала сестрой милосердия на золотых приисках Австралии. Там она познакомилась со своим вторым супругом, миллионером из Штатов. Проведя несколько лет в Филадельфии, тетя Лиззи отправилась в Южную Америку, где участвовала в нескольких путчах и революциях (муж номер два к этому времени превратился в экс-мужа). Третий супруг, пламенный латиноамериканец, засыпал супругу стихами и цветами, но и с ним Елизавета Фридриховна не смогла ужиться, заявив после третьего развода, что не создана для семейной жизни и намерена до конца дней своих бороться за женское равноправие и повсеместную эмансипацию.

IV

Издав оглушительный гудок, «Экспресс-Адриатик» замер перед зданием вокзала. Прихотливое, похожее на замок из песка, выстроенный капризным ребенком на пляже, расцвеченное невероятным сочетанием красок, здание было спроектировано и возведено несколько лет назад известным испанским архитектором. Полина невольно залюбовалась болезненной красотой и хрупким великолепием вокзала.

Поддерживая под локоток Ксению Теодоровну, несмотря на жаркую, солнечную погоду закутанную в шотландскую шаль, Полина оказалась на перроне. Воцарилась суэта, шмыгали грузчики и носильщики, которые занимались многочисленными чемоданами вновь прибывших в Варжовцы.

С обратной стороны вокзала их ждала кавалькада автомобилей – «Бенцы» и «Уользлеи». Полина помогла Ксении Теодоровне занять место в одном из кабриолетов. Мадмуазель Шнайдер, чтившая имущество семейства Новицких пуще своего собственного, громогласно пересчитывала объемные кофры, чемоданы и саквояжи, которые грузились в авто.

– Douze, treize, quatorze... Mein Ehrenwertester, wo ist noch ein Coffre unserer Familie? Where are you bringing this luggage?! It's ours!!!¹³

Носильщики с почтением и едва ли не с суеверным ужасом подчинялись приказаниям мадмуазель Шнайдер, наверняка считая ее хозяйкой всего багажа. Она металась между автомобилями, по памяти контролируя погрузку вещей.

Наконец все чемоданы (ровно двадцать пять) оказались в кабриолетах, мадмуазель Шнайдер, пожаловав молодчикам весьма скудные чаевые, царским жестом велела им убираться прочь.

– Кажется, мы можем трогаться в путь, – произнесла тетя Лиззи. – Милая мадмуазель Шнайдер, что бы мы делали без нее, ума не приложу!

Автомобили один за другим потянулись по булыжной мостовой. Полина отметила, что Варжовцы практически ничем не уступают по элегантности Ривьере или Бертрону.

Герцословакия, небольшая балканская монархия, на территории которой они оказались, была окружена Черногорией, Сербией и Албанией и представляла с геополитической точки зрения важный сегмент российской внешней политики. В Герцословакии правила династия Любомировичей, однако вымерших славянских королей в начале девятнадцатого века сменили на престоле их дальние родственники, выходцы из Германии. С тех пор высшее руководство страны лавировало между симпатиями народа к могучему русскому брату и финансовой зависимостью от Австро-Венгрии и немецкого кайзера.

Нынешний король Герцословакии, который старался забыть о своих прусских корнях, Павел Четвертый, был женат на княгине Милице, чьи родители являлись представителями самого древнего аристократического рода страны. Павел намеренно не взял в жены немецкую принцессу и вообще иностранку (муссировались слухи о том, что он добивался руки одной из дочерей русского царя Александра Третьего, но тот не решился отпустить от себя любимую дочку), поэтому выбор монарха был встречен народным ликованием и гуляниями. Волна всеобщей радости пошла на спад, когда Милица появилась на публике – красивая, как боттичеллиевская мадонна, высокая и грациозная, она была спесива, психопатична и до крайности обожала мистицизм. Отцом королевы был местный князь, а мать – гротескная герцогиня из захудалого рода откуда-то с юга Германии. Милица плохо изъяснялась по-герцословацки, перевозносила все немецкое, третиговала придворных и очень быстро стала нелюбима всеми – гово-

---

¹³ Двенадцать, тринадцать, четырнадцать... Дражайший, где еще один кофр нашей фамилии? Куда вы понесли этот чемодан?! Это же наш!!! (фр., нем., англ.)

рили, что в число тех, кто ненавидел Милицу, входил и ее слабый супруг, ею же, опять по слухам, иногда сгоряча поколачиваемый.

За влияние на Герцословакию, которая являлась ключевым регионом на Балканах, конкурировали Россия, Англия, Германия и Австро-Венгрия. Интерес европейских держав позволил некогда захудалой стране, где промышленность не была практически развита, а люди в горах жили, как и несколько столетий назад, без веяний прогресса и технических новаций, превратиться (по крайней мере, на Адриатическом побережье) в шикарный курорт. Деньги инвестировались в недвижимость, один отель возникал за другим, игорные дома вырастали как грибы после дождя, а минеральные воды и мягкий климат, столь целебные при многих заболеваниях, стали визитной карточкой Герцословакии.

Лев Константинович еще до отъезда из Петербурга принял решение, что поселятся они не в отеле, даже самом роскошном, а снимут виллу. Автомобили провезли семейство Новицких с челядью по улочкам Варжовцов, свернули к морю – и оказались около виллы «Золотистые тополя».

V

– It seems nice here¹⁴, – сказала тетя Лиззи, когда автомобиль медленно въехал через открытые чугунные ворота в парк виллы. Полина увидела двухэтажное, выстроенное в мавританском стиле здание из гранита цвета топленого молока. До моря было рукой подать.

Когда таксомоторы замерли перед новым пристанищем, повторилась все та же суতোлка и суэта, что и на вокзале. Мадмуазель Шнайдер, подобно Церберу, следила за тем, чтобы не затерялся ни один из чемоданов.

Полина вошла в холл виллы и замерла от восторга. Еще бы, она попала в настоящий бальный зал, такого нет и у них в Петербурге! Круглый, гигантский, выложенный драгоценным паркетом, с огромной лестницей, спускающейся со второго этажа.

Ксения Теодоровна опять раскапризничалась, заявив, что у нее страшно болит голова и все тело. Полине пришлось помочь матери занять спальню, где тотчас были приспущены жалюзи. Ксения Теодоровна потребовала себе холодный компресс, а затем сказала, что в груди у нее что-то ноет и грызет...

Наконец Полина оказалась в своей комнате. Окна выходили на парк, а чуть в отдалении виднелось спокойное и похожее на кристалл аквамарины море. Полина подошла к окну и блаженно, хрустнув косточками, потянулась (хорошо, что ее не видит мама или мадмуазель Шнайдер, которые были уверены, что подобные жесты не к лицу хорошо воспитанной барышне из благородной фамилии).

Затем Полина, скинув туфли, распустила длинные, чуть отливающие рыжиной волосы, удивительно оттеняющие ее серо-зеленые со ржавой искрой глаза, вскочила на кровать и принялась подпрыгивать на ней. Ее охватили блаженство и восторг. Конечно, она ведет себя, как глупая девчонка, но кто сказал, что в семнадцать лет надо поступать иначе?

Она звонко рассмеялась и со всего размаху повалилась на кровать. Когда они вернутся в Петербург, то первым делом она найдет Платошу и ответит ему согласием. И пусть тетя Лиззи, суфразистка до мозга костей, твердит, что нечего сразу соглашаться на предложение о замужестве. Полину переполнял восторг – то ли от того, что она испытала первую любовь, то ли от того, что оказалась в прекрасной стране около самого синего моря.

– Прямо как в сказке, – перевернувшись на живот и задрав ноги, сказала Полина. Она схватила лежавшее на туалетном столике зеркальце в серебряной оправе с инкрустацией из опалов (чудесная работа фирмы Фаберже), стала разглядывать собственное отражение.

– Ну что же, будь я мужчиной, я бы тоже влюбилась в вас, почтеннейшая Полина Львовна, – глубоким басом проговорила девушка, дурачась. А ведь она в самом деле красива!

Статью она пошла в мать. В роду Кригера были настоящие красавицы, чего стоит несчастная Аделаида Кригерс, едва не ставшая поневоле любовницей безумного императора Павла. Пораженный небывалой красотой Аделаиды, чей дед приехал в Россию при матушке Екатерине, император заявил, что желает видеть ее своей дамой сердца. Аделаида, неглупая особа, понимала – отказ только разозлит Павла, который был известен перепадами настроения и мстительной, обидчивой натурой. Более того, у Аделаиды был жених, и она любила его всем сердцем. Думая, что сентиментальный властитель, поклонник рыцарских ритуалов и покровитель Мальтийского ордена отступится, узнав о любви Аделаиды к ее Алеше, молодому адъютанту царя, девушка поведала обо всем Павлу, когда император находился в хорошем расположении духа.

Царь, услышав признания в любви к другому, побледнел, крылья его курносого носа гневно затрепетали, шумно втягивая воздух, он вышел из салона и хлопнул за собой дверь

---

¹⁴ Вроде бы здесь мило (англ.).

с такой силой, что зеркало в золоченой оправе, висевшее на стене, с грохотом упало, расколовшись надвое. Тем же вечером отцу Аделаиды, генерал-аншефу, герою многих сражений славной Екатерининской эпохи, было предписано в течение суток покинуть столицу и затвориться в своем пензенском имении, ожидая дальнейших распоряжений императора. Алексей Татищев, жених Аделаиды, был арестован, обвинен в государственной измене и заточен в Петропавловскую крепость. Аделаиде же царь заявил, что не потерпит измены – хотя кому и как изменяла несчастная девушка?

Она покончила с собой за несколько минут до того, как в спальню к ней пришел Павел, чтобы удостоить ее монаршей любви. Она выпила таинственный эликсир, который практически мгновенно лишил ее сознания, и царь нашел Аделаиду, прекрасную, как никогда, уже бездыханной. Среди придворных упорно шептались, что перед смертью девица прокляла самодура, оставив некую роковую записку с пророчествами бед и несчастий. А спустя несколько месяцев и сам Павел лишился жизни, будучи убит заговорщиками...

Легенда эта передавалась в семействе Кригера из поколения в поколение, и никто не знал, что в ней правда, а что искусная выдумка. Одно для Полины было неоспоримо – она, доведись ей оказаться на месте Аделаиды, поступила бы точно так же – ни за что бы не променяла любимого на прихоть венценосного тирана.

Полина подняла верхнюю губу и внимательно исследовала свои жемчужно-белые зубы. Брр, как же она ненавидит визитировать дантистов, их кресло напоминает ей прокрустово ложе, которое создано только для пыток и измывательств над несчастными и беззащитными пациентами.

Ровные дуги черных бровей, здоровый румянец, который Полина пыталась вывести всевозможными лосьонами и притирками (не пристало благородной девице выглядеть деревенской молодухой, это пусть щеки горничной Глаши рдеют полевыми маками!), чистая кожа и сияющие глаза – лучистые топазы. Полина показала язык отражению, расхохоталась и, найдя себя великолепной, перевернулась на спину.

Ей семнадцать! В Петербурге ее ждет Платоша – юный красавец, по которому сохнут все ее подруги. Они не подозревают, что сердце этой белокурой бестии отдано именно ей. Вот ведь вытянется лошадиное лицо у Александры Нессельроде, а как взбесится невропатичная Томочка Хитрово, а гнев и его последствия у пышнотелой Ирочки Голидзе вообще лучше не представлять!

Платон признался в любви ей, именно ей, Полине Львовне Новицких, и именно ее просил стать своей супругой!

– Pauline, – раздался в дверь стук мадмуазель Шнайдер. – Are you ready for the soupper? Dieses wird genau in einer Viertelstunde serviert. Préparez-vous, ma chère, et descendez! We are waiting for you!!¹⁵

Полина моментально соскочила с кровати: узнай mademoiselle, что ее любимица столь неподобающим образом, как ретивая газель, скакала по кровати, а затем разглядывала в зеркальце собственную физиономию, считая себя неотразимой прелестницей, думая при этом о Платоше Крещинском, у нее случился бы удар!

Приняв постный вид скромницы и великомученицы, Полина уселась на краю кровати. Дверь распахнулась, мадмуазель Шнайдер проинспектировала комнату девушки. От ее бдительного глаза не скрылись измятая постель и распущенные волосы Полины.

– Qu' est-ce qu'il y a ma chère, sind Sie rumgewildelt?¹⁶ – с подозрением спросила мадмуазель Шнайдер.

¹⁵ Полин! Вы готовы к ужину? Его подадут ровно через четверть часа. Приведите себя в порядок, моя дорогая, и спускайтесь вниз. Мы ждем вас! (фр., нем., англ.)

¹⁶ В чем дело, милочка, вы бесились? (нем., фр.)

Полина, подняв на нее невинные глаза (лгать она могла столь складно, что ей завидовала даже такая мастерица этого дела, как тетя Лиззи), ответила ровным тоном выпускницы Смольного института:

– О, мадмуазель, как можно! Я ни за что не рискнула бы разочаровать мою добрую преданную мадмуазель таким недостойным поведением. Я... Я приводила себя в порядок, желая спуститься к ужину!

Девушка подошла к мадмуазель Шнайдер, обняла сухонькую гувернантку, та даже расчувствовалась, и Полина мысленно отругала себя за правдоподобное вранье, увидев, что на глаза *mademoiselle* навернулись слезы радости.

– Oh, my darling, – прошептала та, утыкаясь в плечо Полины. – *Changez de costume et allez chez les parents!*¹⁷

Дверь затворилась, Полина хихикнула, приложила глаз к замочной скважине и, удостоверившись, что мадмуазель Шнайдер, шаркая и кряхтя, удалилась, мигом взлетела на кровать, подпрыгнула до потолка так, что пружины матраса жалобно застонали, и воскликнула в эйфории:

– Платоша меня любит! Платоша меня любит! Платоша меня любит! И я его тоже, черт возьми!

---

¹⁷ Ах, моя милая деточка. Переодевайтесь и ступайте к родителям! (*англ., фр.*)

VI

Проснувшись следующим утром, Полина прислушалась к разноголосию, которое доносилось до нее из парка. Щебетали птицы, едва слышно шумели деревья, ей даже показалось, что в распахнутое окно доносится плеск морских волн.

Она прошлепала в ванную комнату, умылась бодрительно-холодной водой и подумала, что жизнь прекрасна! Когда через полчаса она спустилась к завтраку, за овальным столом восседал Лев Константинович. Он просматривал прессу – обычно на курортах приходилось довольствоваться французскими, английскими и немецкими газетами двух– или трехдневной давности.

– Доброе утро, рара! – приветствовала его Полина.

Отец сначала ее даже и не заметил, только потом, прервав чтение, пробурчал что-то. Показалась тонкая фигура тети Лиззи.

– Что пишет мировая пресса? – поинтересовалась она у Льва Константиновича.

Тот, вздохнув, ответил:

– Банковский кризис в Португалии, отставка правительства в Герцословакии. Ах, и убийство австрийского эрцгерцога в Сараеве!

– Die ganze Welt ist wie aus den Fugen geraten! – Мадмуазель Шнайдер возникла, как всегда, совершенно неожиданно. – J'étais à mon aise en 19-me siècle!¹⁸

Тетя Лиззи пожала плечами и спросила у деверя:

– Надеюсь, это убийство не приведет к непоправимым последствиям.

– Да нет же, – ответил, складывая газеты пополам, Лев Константинович. – Бедняга Франц-Фердинанд и его морганатическая супруга княгиня София стали жертвой некой подпольной организации. Их отправил к праотцам студент Гаврило Принцип. Дому Габсбургов не везет в который раз – сначала таинственное самоубийство наследника престола Рудольфа, который снес себе голову из ружья, застрелив сначала свою молодую любовницу, затем жуткая смерть от удара напильника стареющей красавицы императрицы Елизаветы, и вот теперь Австро-Венгрия лишилась эрцгерцога! Право же, императору Францу-Иосифу, которому почти девяносто, не дают спокойно умереть. Но это все блажь! Через неделю об этом убийстве забудут, а через месяц о нем никто и не вспомнит!

Полина вполуха прислушивалась к разговору отца и тетки. Политика, тем более международная, ее мало занимала. Ну подумаешь, где-то застрелили толстого австрийского наследника престола! В России когда-то взорвали царя-батюшку, и Вселенная от этого не рухнула!

Глаша доложила, что Ксения Теодоровна чувствует себя неважно, поэтому она не может спуститься к завтраку. Лев Константинович заговорщически подмигнул тете Лиззи и сказал:

– Я уже справлялся... Светило европейской невропатологии доктор Симон Дюбуа находится на отдыхе в Варжовцах. Он остановился в отеле «Palais de la Mer». Мне кажется, что если предложить ему солидный гонорар, то он не откажется нанести нам визит, дабы поговорить с Ксенией.

Ага, вот зачем папа выбрал Герцословакию в качестве летнего курорта! – поняла Полина. Каков хитрец! Он хочет свести маму с известным парижским врачом, чтобы тот подтвердил диагноз своих петербургских коллег – мадам Новицких страдает тяжелыми фантазиями и расстройством нервов. Полине стало немного жаль мамочку. Но ведь это для ее блага!

На завтрак были поданы теплые булочки, масло, душистый мед, конфитюр. Отец предпочитал крепкий кофе, тетя Лиззи пила чай, мадмуазель Шнайдер отдавала предпочтение минеральной воде. Полина с отвращением посмотрела на чашку с какао, которая стояла перед ней.

---

¹⁸ Будто весь мир сошел с ума! В старом добром XIX веке мне было намного уютнее! (нем., фр.)

Для отца она все еще маленькая девочка. И как ему объяснить, что она выросла! И что она влюбилась...

Нет, отец этого решительно не поймет. А вот тетя Лиззи... Полина решила переговорить с теткой, когда удастся улучшить момент. Она знала, что та была крайне положительного мнения о семействе Крецинских. Тем лучше, необходимо иметь хотя бы одну союзницу.

Отец затеял воплотить свою идею в жизнь, показать супругу известному французскому специалисту, поэтому тетя Лиззи, взяв племянницу под руку, шепнула ей на ухо:

– А мы, дорогая, сделаем променад!

VII

Они миновали парк виллы – большой, немного запущенный. Вышли из ворот и оказались на тихой улочке. Рядом располагались такие же особняки, в которых жили состоятельные приезжие. На воротах некоторых из них, несмотря на разгар сезона, висели таблички с надписью: «Terrains a vendre»¹⁹. Варжовцы только начинали входить в моду, светское общество предпочитало по привычке Лазурное побережье или Бискайский залив. Но Полина была уверена – лет через пять все изменится и городок столкнется с вакханалией богатых приезжих. Через пять лет...

В 1919 году ей стукнет двадцать два – старуха! Наверняка к этому времени она выйдет замуж и, возможно, обзаведется парой очаровательных детишек. У нее будут мальчик и девочка! Вместе со своим супругом (разумеется, Платошей!) они приедут в Варжовцы на все том же «L'Express Adriatique», снимут роскошную виллу и будут наслаждаться размеренной семейной жизнью. Платоша к тому времени станет известным адвокатом, отпустит усы – наверняка усы ему чрезвычайно пойдут, а она превратится в светскую красавицу. И почему только до этого момента необходимо ждать еще целых пять лет!

Через десять минут дамы оказались на центральном проспекте. Полине все было знакомо: дорогие магазины, рестораны, кафе, павильоны для погружения в минеральные воды телес, павильоны для принятия минеральных вод вовнутрь, псевдоримские термы и крытые бассейны, казино и банки. Они вышли на набережную.

Море! Спокойное и умиротворенное, оно накатывало волнами на берег. Везде были расставлены парусиновые стулья, которые занимали в основном пожилые отдыхающие или родители детей, резвившихся у кромки воды. Полине захотелось разуться и пробежаться по мелководью, поднимая тучи брызг. Но ведь ее поведение сочтут не *comme il faut*²⁰, скажут, что молодая Новицких ведет себя, как бутузка.

Поэтому, держа тетю Лиззи под локоток (тетка раскрыла огромный белый зонт, который укрывал их от утреннего солнца; впрочем, время близилось к полудню), Полина чинно и благородно следовала по набережной, украшенной старинными витыми фонарями. Она заметила несколько знакомых петербургских лиц.

Внезапно Полину как током ударило. Ее пальчики пребольно сдавили руку тети Лиззи, и та даже вскрикнула.

На отдалении нескольких метров Полина узрела его – Платона Крещинского! Это была вовсе не галлюцинация и не видение: предмет ее терзаний, Платоша, собственной персоной восседал на скамье со своим отцом, почтенным адвокатом Валерианом Крещинским. Подле них располагались две девицы-дылды, вульгарно и старомодно одетые, говорившие по-немецки. Чувствуя, что ревность – чудовище с зелеными глазами, как говаривал Шекспир, – начинает грызть ее душу, Полина на мгновение зажмурила глаза. Но ведь Платоша не обмолвился ни словом о том, что поедет в Варжовцы! Или...

Мысли смешались, Полина замерла около парапета набережной: или Платоша ничего ей не сказал, дабы без зазрения совести развлекаться никчемной беседой с носатыми немками, или... Или он последовал за ней, чтобы сделать ей сюрприз!

– Well²¹, я вижу, кто внес смятение в твои чувства, моя дорогая Полин, – лукаво улыбуновшись, заметила тетя Лиззи. – Молодой Крещинский тоже выбрал Варжовцы для летнего безделья. Засвидетельствуем им свое почтение!

---

¹⁹ Участки для продажи (*фр.*).

²⁰ Комильфо, подобающим (*фр.*).

²¹ Здесь: итак, ну что же (*англ.*).

– Нет! – вырвалось у Полины, хотя она всеми фибрами своей души желала оказаться около галантного Платоши, облаченного в кремовый щегольской костюм и длиннополую шляпу.

– Of course²², да, – нравоучительно заметила тетка. – Полин, ты сначала обязана заинтриговать мужчину, а потом можешь делать с ним все, что заблагорассудится. Твой Платоша воображает себя опытным донжуаном, хотя на самом деле он обыкновенный мальчишка! Слушайся свою тетю Лиззи, она знает кое-что об этой жизни!

Тетка решительно взяла ее под локоть и потащила к скамейке. Платон, увлеченный обменом банальными курортными глупостями с немками, поднял взгляд – и так и замер, заметив Полину. Девушка отметила, что его поведение не ускользнуло от двух его собеседниц. Те как по команде обернулись. Одна из них едко что-то прошептала другой, та неприятно рассмеялась. Лицо Полины залила краска. Это ведь они о ней шушукаются!

Платон, поднявшись со скамейки, пробормотал извинения, даже не глядя в сторону немочек, которые – явно оскорбленные таким поведением своего кавалера – поджали губы. Молодой Крешинский двинулся по направлению к дамам.

– Платон Валерианович, какой сюрприз, – усмехаясь, произнесла тетя Лиззи. – А я-то думаю: кто это любезничает с двумя тевтонками? Оказывается, это вы!

– Елизавета Фридриховна, Полина Львовна, – дрожащим голосом произнес Платон и смолк.

Тетя как ни в чем не бывало вела беседу:

– Значит, вы и ваш отец тоже приехали на этот милый курорт? Весьма похвальный выбор! Говорят, что со дня на день сюда пожалует сам герцословацкий король с супругой и наследником престола, по поводу чего будет устроен прием для избранных.

Полина не слышала щебета тетки. И Платон, казалось, не замечал ничего вокруг себя. Немочки, раздраженные таким небрежением к себе, даже не прощаясь, зашагали прочь, причем одна из них все время оборачивалась, поедая Платошу глазами, а ее товарка одергивала подругу, явно не желая унижаться из-за ветреного русского красавца.

В груди у Полины сладко защемило: ее Платоша, такой beau et mignon²³, находился всего лишь в нескольких от нее шагах.

– Полина Львовна, здравствуйте, – произнес он наконец. – Я так рад видеть вас...

Тетя Лиззи, бросив молодых людей, направилась к отцу Платоши. Полина беспомощно посмотрела на тетку, которая лишила ее своей поддержки в столь решающий момент. Однако раньше, еще в Петербурге, он звал ее просто по имени – Полин, теперь же величает по имени-отчеству, словно они были на приеме во дворце.

– Могу ли я предложить вам небольшую прогулку по променаду? – словно выпрашивая соизволения, задал вопрос Платоша. Полина кивнула головой. Всего лишь сегодня утром она думала о том, что скажет Платону, если увидит его, – и вот свершилось! В мечтах ты всегда смелее, когда же объект твоей любви находится перед тобой, то все слова исчезают, а кураж сменяется страхом.

---

²² Конечно (*англ.*).

²³ Красивый и милый (*фр.*).

VIII

Они шли мимо праздной и нарядно одетой публики. Мужчины практически все были в светлых костюмах, только изредка мелькали военные мундиры; дамы, согласно последней моде, носили бланжевые или гри-перлевые легкие манти с шелковыми отворотами, широкополые шляпы с большими тульями, густые вышитые вуали, которые трепетали от легкого ветерка.

Набравшись мужества, Полина нарушила тягостное молчание и спросила:

– Платон Валерианович, вы тоже отдыхаете в Варжовцах? Но вы, кажется, говорили о том, что дела вашего отца призывают вас в Париж...

Платон, словно благодарный Полине за то, что она первой начала разговор, пояснил:

– Вы совершенно правы, Полина Львовна. Мой дядя в самом деле только что вернулся из Парижа, я сопровождал его. Представляете, что там творится – все только и говорят об убийстве австрийского наследника! Говорят, что нелепая смерть Франца-Фердинанда может привести к аннексии Сербии войсками Дунайской монархии...

Платоша, как знала Полина, был страстным политоманом, но ей меньше всего хотелось слушать лекцию о международной политике. Платон вдруг добавил, и его тон поразил девушку:

– Да, Полин, я был в Париже... И все это время меня занимала только одна мысль...

– Какая же, Платон? – спросила несколько резко Полина.

Крещинский ответил:

– Мысль о вас! Я знал, что вы находитесь в Варжовцах, поэтому, когда процесс, в котором мой батюшка принимает участие, дал нам передышку, я уговорил его отправиться в Герццословакию. Я надеялся, что увижу вас еще в «L'Express Adriatique», я даже справлялся о вас в курортных отелях. Никто не мог мне ответить, где же остановилось семейство Новицких из Санкт-Петербурга! Сегодня утром... Сегодня утром я словно по наитию отправился на променады, чувствуя, что обязательно столкнусь с вами, Полин...

– И поэтому-то вы и любезничали с этими двумя немками? – спросила Полина, ликуя в душе. Платоша последовал за ней! И он сделал это наверняка потому, что любит ее!

Платоша горько рассмеялся и сказал:

– О, Полин, эти немки – дочери одного из клиентов моего отца, они отвратительно занудные и до ужаса добропорядочные. Их родители – владельцы сталелитейных заводов. Это не более чем светская любезность...

– А вот бросили вы их совершенно не по-светски, – с удовлетворением заметила Полина. – Они наверняка обиделись на то, что вы, Платон, завидев меня, просто забыли об их существовании. Наверняка немецким родителям это не понравится...

Она следовала советам тети Лиззи: Платон приуныл. Полина была готова расплакаться, видя, как страдает ее Платоша. И все почему? Потому что салонный этикет предписывает играть чувствами, жеманно кокетничать и говорить колкости.

Нет, она так не может! Поэтому, схватив Платошу за руку (что девушкам вообще-то делать категорически воспрещалось), она произнесла:

– Пошли на пляж!

Платон воспрял к жизни. Полина с сожалением отдернула руку. Еще заметит тетя Лиззи... По деревянному настилу они прошли на пляж, скоро доски кончились, Полина ступила на желтоватый песок, перемешанный с ракушками и галькой.

– Помогите мне, – попросила она Платошу. Полина с легкостью скинула туфли, ее стоп коснулись волны Адриатики. Полина вскрикнула (все же холодно с непривычки!) и рассмеялась. Вот оно, подлинное счастье!

Она сама не заметила того, как ее ладонь оказалась в ладони Платона. Они отправились на прогулку вдоль моря. Виднелась часть пляжа, предназначенная для купания. Смешно было

наблюдать за облаченными в смешные полосатые купальные костюмы дородными дамами и господами, которые, ежась и отдуваясь, заходили в море по щиколотку, а затем шествовали обратно к лонгшезам, так и не решаясь доверить свое тело волнам.

Полина и Платон говорили о каких-то пустяках, смеялись. Фальшь и искусственность первых минут их randevу бесследно исчезли. Полина вскрикнула, едва не наступив на прозрачную, похожую на колыхающееся желе, медузу.

Они двинулись дальше. Миновали купальщиков (в основном это были краснолицые американцы), попали на безлюдную часть пляжа.

– Полина, – произнес Платон нервно. – Мне надо сказать вам кое-что...

Полина рассеянно посмотрела на молодого Крещинского. Именно так, да, да, именно так она представляла себе признание в любви.

Платоша, собравшись с силами, сказал:

– Еще в Петербурге... Еще там я понял, что люблю вас! Вы – самый дорогой для меня человек! Полин, я прошу вас стать моей супругой!

Полина вздохнула. Небо, светло-голубое, безоблачное, солнце, нестерпимо сияющее, море, такое заманчивое.

– Платон, – со всей серьезностью, на какую она была способна, ответила Полина. – Если вы поклянетесь мне, что не питаете чувств к тем немкам, с которыми я застала вас сегодня...

– О, Полин, конечно же, нет! – буквально простонал Платоша.

– ...тогда я скажу вам – да! Я тоже люблю вас, Платон...

Внезапно он склонил голову, и его губы, мягкие и теплые, прикоснулись к ее губам. У Полины едва не закружилась голова. И это на пляже, на глазах десятков свидетелей! Хотя нет, они отошли на порядочное расстояние от людей, но тем не менее...

Большая волна с шелестом накатила на разноцветную гальку, Полина вскрикнула – верхняя кромка задела ее ноги. Она заметила что-то пурпурно-красное в волнах.

– Какое чудо! – произнесла она. Море вынесло на берег морскую звезду, достаточно большую, при ближайшем рассмотрении оказавшуюся живой. Она, похоже, дышала, капельки воды, как бриллианты, сверкали на ребристой поверхности ее остrokонечного тела.

Платоша с отвращением заметил:

– Вы находите это прекрасным, Полин?

Накатив, очередная волна подхватила морскую звезду, завертела ее, перевернула, и обительница морских глубин исчезла из поля зрения.

Полина снова надела туфельки, затем, ступая по песку, молодые люди выбрались на набережную. Настала пора возвращаться обратно.

– Тетя Лиззи наверняка уже ломает голову, куда мы запропастились, – произнесла девушка. Вот и произошло то, о чем она еще вчера мечтала. Платоша сделал ей предложение, и она ответила ему согласием! И что теперь? Как она скажет родителям, что хочет выйти замуж?

Она попыталась представить себе реакцию отца. Вряд ли рара будет иметь что-либо против Платоши. Зато тапан обязательно устроит представление, упадет в обморок, потребует нюхательной соли и будет изводить несчастную Глашу невыносимыми требованиями.

– Мы поженимся, когда вернемся в Петербург, – сказал Платоша. – Этот год станет для нас началом счастья, Полин!

Они оказались около продавца пляжных сладостей: такое здесь предлагали в изобилии. Облитые коричневым шоколадом орешки; похожие на елочные игрушки леденцы – золотистые, изумрудные, рубиновые; засахаренные нежные фиалки; шарики мороженого и громадные ломкие вафли.

Далее покупателям предлагались *frutta di mare*²⁴. Старик, похожий на сказочного волшебника, выставлял напоказ аквариум, в котором сновали разноцветные рыбешки, лучились ветви кораллов, на дне застыли большие раковины, быть может, скрывающие жемчужины. И морская звезда!

Морская звезда, точь-в-точь как та, что Полина видела на пляже, распластав лучищупальца, лежала на дне грязноватого аквариума. Темно-красная, белая по бокам, она, как вдруг поняла девушка, умирала.

Полина прильнула к стеклу аквариума. Платоша заметил:

– Полин, вы же видите, это обыкновенный крестьянин, который пытается заработать на том, что всучивает публике этих морских гадов. Поверьте, эти создания не стоят того, чтобы их покупать.

Полине до ужаса хотелось заполучить эту морскую звезду. Внезапно девушка ощутила на себе взгляд, точнее, повинувшись непонятному импульсу, она повернулась. Чуть поодаль, в двух или трех шагах от нее, стоял молодой человек. Мимо него фланировали отдыхающие.

Юноша, одетый в темно-синий мундир (скорее всего, или какого-то ведомства наподобие почтового, или студенческий), наблюдал за Полиной. Высокий, с черными, как вороново крыло, волосами, чуть более длинными, чем предписывала мода, и огромными глазами. Глаза-агаты, словно обведенные углем, а на самом деле обрамленные густыми длинными ресницами, излучали энергию и страсть. Лицо незнакомца – слишком бледное – одновременно было красивым и отталкивающим. Красивым – из-за классических черт, отталкивающим – из-за мыслей, которые отражались на нем.

---

²⁴ Дары моря (*ит.*).

IX

Полина встретила с молодым человеком взглядом. Ей на мгновение показалось, что он прочитал ее мысли. Тонкие алые губы незнакомца дрогнули в усмешке, обнажая белые зубы. Полине стало внезапно страшно. Она поняла, кого напоминает ей этот человек. В памяти у нее возник образ Родиона Раскольникова. Но почему?

Платоша ничего не заметил, да и обмен взглядами длился не более двух секунд.

– Лучше я куплю вам сладости, – сказал Платоша и через полминуты преподнес Полине коробку драже, облитого крашеным сахаром с толченым миндалем.

Молодой человек, словно на что-то решившись, снова улыбнулся Полине, надел на голову фуражку и зашагал прочь. Девушка проводила его взглядом. Станный, странный субъект. Она надеялась, что более никогда не увидит его!

Все, что случилось, показалось Полине видением. Юноша исчез, как будто растворившись среди прогуливающих по набережной. Да и был ли он? Он чем-то походил на привидение, призрак, фантом, который стигнул так же мгновенно, как и возник.

Тетя Лиззи, увидев Полину и Платона, приближающихся к скамейке, на которой она расположилась и вела неторопливую беседу с Крещинским-старшим, сказала, качая головой:

– Платон Валерианович, вы похитили мою племянницу!

– Елизавета Фридриховна, папа, – решительным тоном произнес Платоша. – Я... Мы... В вашем присутствии я хочу сделать официальное предложение Полине Львовне. Я только что просил ее стать моей женой, и она приняла мое предложение!

Валериан Крещинский, пожилой господин с седой бородкой, вскочил со скамьи и, поцеловав Полину руку, сказал:

– Полина Львовна, я буду счастлив видеть вас супругой моего единственного сына.

Тетя Лиззи заметила:

– Полин, ты удивляешь даже меня! Современная молодежь живет в век скоростей, так что и браки заключаются теперь в течение получаса! Но я очень за вас рада!

Она поцеловала Полину в лоб, а затем добавила:

– Однако вам, господа, необходимо засвидетельствовать свое почтение родителям моей племянницы, Льву Константиновичу и Ксении Теодоровне. Думаю, сегодня пополудни будет самое для этого подходящее время. А сейчас нам с племянницей пора!

Она взяла Полину под руку. Валериан Крещинский снова прикоснулся губами к руке Полины, за ним последовал Платоша.

– Мы вас ждем! – с грозной шутливостью воскликнула тетя Лиззи. Когда они покинули набережную, она сказала: – Дорогая моя, я действительно за тебя рада! Платон Крещинский – отличный выбор! И он тебя любит, поверь мне, в этом-то я понимаю! Однако на твоём месте я пока что не говорила бы ничего папан, а вот Льва Константиновича поставь в известность!

Вернувшись на виллу, Полина так и поступила. Она постучалась в дверь кабинета отца. Услышав его призывное «Entrez!»²⁵, с робостью переступила порог. Новицких сидел за массивным столом, перед ним лежала пачка исписанной бумаги. Видимо, отец работал над очередной книгой, догадалась Полина.

Узнав, что дочь собралась замуж, Лев Константинович на мгновение оторопел, а затем, пожевав губами, заявил:

– Полин, ты уже взрослая, поэтому вправе решать сама, как тебе следует поступить. Честно говоря, репутация у Крещинского senior²⁶ не самая лучшая. Он известный адвокат,

---

²⁵ Войдите! (фр.)

²⁶ Старшего (англ.).

знает свой предмет как никто другой, и доведись мне нуждаться в разрешении юридической коллизии, я бы непременно остановил на нем свой выбор. Однако он – шустрый малый, действует на грани закона, да и специализация у него – бракоразводные дела; именно поэтому я молю Господа, чтобы никогда не нуждаться в помощи Валериана Платоновича. Помнишь шумное дело прошлого года? Развод князя и княгини Трубецких? Тебе, конечно же, не пристало знать все детали этого грязного дела, однако итог таков: старый князь, воспламенившись любовью к горничной, затеял развод с княгиней, с которой прожил до этого тридцать с лишком лет. Крещинский, представлявший интересы князя, разрушил семью, сделал так, что сыновья князя отвернулись от отца, дело, как говорят, едва не дошло до дуэли между старым и молодым князем, когда Трубецкой, поддерживаемый своим адвокатом, заявил, что его жена ему изменяет, и представил в качестве доказательств гнусные фотографии, добытые продажными шпионами. Княгиня наложила на себя руки, хотя официальная причина ее скоропостижной смерти – нервное расстройство, князь оттяпал у нее почти все состояние и женился-таки на беспутной горничной, укатил с ней в Америку. По пути на пароходе старого ловеласа разбил паралич. Теперь молодая жена тратит его состояние, совершенно забыв о несчастном, который влачит жалкое существование в доме-крепости под надзором армии сиделок, более похожих на тюремных надзирательниц. Дети князя от первого брака отвергли отца и не желают ничего о нем слышать. И вся эта трагедия срежиссирована и осуществлена одним человеком – старшим Крещинским!

– Но, папа, – возразила Полина, – я же выхожу замуж не за Валериана Платоновича, а за его сына! И что мне за дело до того, каков на самом деле мой будущий свекор!

Лев Константинович вздохнул:

– Ты права, Полин. Валериан Платонович может зарабатывать деньги, разрушая семейное счастье по заказу помутившихся рассудком клиентов, и его не в чем упрекнуть. О его сыне я не могу сказать ничего плохого!

– У Платоши нет ни единого недостатка! – уверила его Полина.

– Кроме отца, – заметил Новицких. – Значит, твой суженый пожелует к нам сегодня пополудни, чтобы просить у Ксении и меня твоей руки? Кстати, мне удалось уговорить доктора Дюбуа осмотреть твою маму. Он уверен, что ничего страшного нет: расшалившиеся нервы и психологические нагрузки, именуемые новомодным словом stress!

Х

Ровно в пять Крещинские нанесли визит на виллу «Золотистые тополя». Ксения Теодоровна, узнав о том, что Полина получила предложение руки и сердца, впала в прострацию, затем пожаловалась на загрудинные боли и ужасную слабость и под конец изрекла, что, как обычно, все внимание в семье уделяется не ей, умирающей больной, а замужеству Полины.

Все же смиростивившись, Ксения Теодоровна, которая принимала дочь в темной спальне, прижала ее к себе и прошептала:

– Я благословляю тебя, Полин! Однако обещай, что сделаешь меня бабушкой еще до того, как я покину этот бренный мир!

К визиту Валериана Платоновича и Платона Валериановича мадам Новицких воспряла духом, сказала, что чувствует себя достаточно хорошо для того, чтобы спуститься в гостиную и принять гостей.

Полина же выбирала одно платье за другим. Что же ей надеть? Гардероб казался ей теперь детским и безвкусным: так одеваются девчонки, а не барышни, которые скоро выйдут замуж! Тетя Лиззи успокоила ее, сказав, что в белом платье она выглядит лучше всего.

Заслышав мелодичный звонок, Полина испугалась. Когда тетя Лиззи пришла к ней в спальню и сказала, что пожаловали Крещинские, девушка вдруг захотела запереться и никого не видеть. Тетка взяла ее за руку и проговорила:

– Полин, он тебя ждет! Неужто ты заставишь его ждать напрасно!

Платоша в самом деле ждал ее. Едва Полина показалась в гостиной, Крещинский-старший полностью перенял инициативу, заполняя все пространство своим сладким голосом опытного адвоката. Родители Полины слушали его комплименты, не в состоянии вставить ни единого слова.

– Вот и наша красавица! – провозгласил Валериан Платонович. – Полина Львовна, вы ослепительны!

Платон вскочил, увидев невесту. Полина опустилась в кресло рядом с ним. Она не слушала то, о чем говорил Крещинский-старший, ловя каждый взгляд Платоши. Внезапно в голову ей пришла еретическая мысль: а любит ли она Платона на самом деле?

Она ужаснулась своей подлости, покраснев и боясь, что присутствующие неизъяснимым образом узнают, что пришло ей в голову. Ну конечно же, она любит Платошу! Любит так сильно, что готова стать его женой и прожить с ним всю жизнь, много счастливых десятилетий, пока смерть не разлучит их!

Или все же не любит? Полине стало жарко. Ведь еще сегодня утром она была уверена в том, что питает к Платоше Крещинскому самые нежные чувства. Это, несомненно, так и есть, но можно ли назвать эти чувства любовью? Полина не знала.

Боясь взглянуть Платону в глаза, она отвела взгляд. И как назвать ее после всего этого? Предательницей?

– Значит, решено, – донесся до ее слуха сквозь пелену мучительных раздумий голос Валериана Крещинского. – Вы планируете вернуться в Петербург в середине августа, соответственно, к концу сентября мы можем устроить пышную свадьбу!

– Так скоро? – удивился Лев Константинович. – Поймите меня правильно, однако к чему подобная спешка?

Валериан Платонович мило рассмеялся и заметил:

– О, мой дорогой Лев, к чему откладывать счастье наших голубков? Мне необходимо довести до конца один бракоразводный процесс в Париже: знаете, одного из наших капитанов промышленности, помимо супружеской измены, обвиняют в попытке убийства опостылевшей половины. Я представляю интересы супруги... Так вот, Платон помогает мне в ведении этого

дела, набирается опыта, чтобы в самом ближайшем будущем, после окончания университета, самому начать карьеру законника. Скажу вам по секрету, бракоразводные процессы – самые дорогостоящие, самые выгодные и самые шумные. Нам с сыном предстоит отправиться в скором будущем в Париж, а потом... Потом, по возвращении в столицу, мы позволим двум любящим сердцам соединиться!

– Vous avez dressé déjà le plan de vous affaires!²⁷ – выпалила присутствовавшая при разговоре мадмуазель Шнайдер. Однако на ее реплику никто не обратил внимания. На том и порешили: свадьбе быть в конце сентября. Крещинский уверил, что приготовления к венчанию много времени не отнимут, и изъявил желание тотчас по телеграфу связаться со столицей, дабы запустить в ход механизм приготовления к торжеству.

– Поверьте, мы сделаем все самым достойным образом! Вы же сможете предоставить свой особняк на Английской набережной для приема гостей?

Не дожидаясь ответа, Крещинский уже начал обсуждать детали предстоящего торжества. Платон шепнул Полине:

– Давайте выйдем в сад!

Они так и поступили. Полина все еще мучилась вопросом, а любит ли она Платошу Крещинского. Он ей, безусловно, нравится, он привлекателен, галантен и умен, но достаточно ли этого, чтобы выйти за него замуж?

Когда он снова поцеловал ее, Полина не стала сопротивляться. Они оказались в глубине сада. Лучи вечернего солнца проникали сквозь кроны тополей и окрашивались в цвет благородной патины. Платоша увлеченно что-то говорил, рассуждая о том, куда они отправятся в свадебное путешествие, а Полина вдруг почему-то вспомнила незнакомца-студента, с которым столкнулась подле продавца морских обитателей. И отчего это, когда она находится наедине со своим будущим мужем, на ум ей приходит этот странный молодчик?

Полина подняла голову – и онемела. Галлюцинация или правда? Тот самый, который терзал ее думы, был в саду! Так и есть, лицо молодого человека на секунду мелькнуло вдали – с легкостью перемахнув через высокую изгородь, увитую диким виноградом, субъект этот оказался за пределами сада.

Все это время, пока они с Платошей миловались друг с другом, он наблюдал за ними!

Платон, стоявший к забору спиной, в недоумении посмотрел на Полину: лицо девушки выражало крайнюю степень изумления.

– Полина, в чем дело? – спросил он. – Что-то случилось?

Не говорить же Платоше, что нахал, который глазел на нее на набережной, заявился к ним в сад! Поэтому Полина, сладко улынувшись, сказала:

– Ах, я увидела... Увидела рыжую белочку! Она сидела на дереве, а затем перепрыгнула через изгородь!

Крещинский, взяв Полину за руку, с умилением произнес:

– Полина, с каждой секундой вы восхищаете меня все больше и больше!

– Но давайте лучше уйдем отсюда, – предложила девушка. Ей было чрезвычайно интересно – что же этот безымянный студент делал в их саду? И отчего он преследует ее? Платоше знать о том, что у нее появился странный поклонник, вовсе не обязательно.

---

²⁷ Вы все уже распланировали! (фр.)

XI

Вернувшись к себе в комнату, Полина в изумлении обнаружила на туалетном столике жестянку из-под английских печений, наполненную прозрачной водой. На дне, шевеля лучами-щупальцами, находилась пурпурно-красная морская звезда. Полина как замороженная устала на этот дар.

Она знала, кто принес к ней в комнату морскую звезду. Тот самый студент! Значит, он не только проник к ним в сад, где наблюдал за ней и Платошей и подслушивал их разговор, но и дерзнул забраться к ней в комнату. И как он это сделал?

Полина увидела, что окно приоткрыто. И несмотря на то, что ее апартаменты располагались на втором этаже, если постараться, то можно по зеленым ветвям плюща, который оплетал почти все стены особняка, вскарабкаться и на крышу! Вот, значит, каким образом морская звезда оказалась у нее в комнате!

Девушка, ощущая любопытство, страх и гордость, приподняла жестянку. Записка! Белый лист, явно вырванный из блокнота. И всего несколько слов: «Je t'aime!»²⁸

Что за наглец! Полина залилась румянцем смущения и негодования! Он не только проник в комнату, где, кто его знает, рылся в ее интимных вещах, но и оставил записку с дерзким текстом! Он ее любит!

Полина в сердцах разорвала записку, но через секунду, соединив две части, снова прочла краткую фразу: «Je t'aime!»

Что он себе позволяет! Это неслыханно! Если об этом происшествии узнают родители или Платоша, то грянет ужасный скандал! И она, без вины виноватая, будет нести ответственность! Как будто этот темноволосый юноша с узким бледным лицом что-то для нее значит! У нее есть только один возлюбленный, ее муж *in spe*²⁹, – Платоша Крещинский!

Полина представила себе, как Платон, входя в спальню их общего дома в Петербурге, обнаруживает на столике записку со словами «Je t'aime!». Он гневается (Полина была уверена, что гнев идет Платоше чрезвычайно), обнаруживает наглеца-студента, который преследовал их отсюда до России, забившись где-то в поезде, меж бочек с огурцами и мешков с брюквой. Дает ему пощечину...

Затем дуэль! Красивый и гордый Платоша нацеливает пистолет на трясущегося от страха студентика. Тот, покрытый потом, падает на колени и начинает умолять о пощаде. Великодушный Платон стреляет в воздух, нахал, уверенный, что пуля предназначалась ему, падает в обморок, и его тело уносят полицейские, которые запикивают бледного студентика в тюремную карету с решетками на окнах.

Пафосная картинка вдруг сменилась совершенно иным видением: этот нахал целует ее! Полина сразу же отогнала страшную мысль. Нет, такому никогда не бывать!

Она выискала тяжеленные каминные щипцы, положила их на туалетный столик. Если незнакомец появится в ее комнате снова, она опустит щипцы ему на череп. Она не потерпит вторжения в свою размеренную и счастливую жизнь!

И все же она раз за разом перечитывала фразу «Я тебя люблю!». Всего три слова, но какая энергетика, как будто... Как будто это не гнусная шутка, а правда! Но они виделись всего несколько секунд – сначала на променаде, затем в саду. За это время нельзя полюбить!

Полина спрятала записку в шкатулку, которую поставила под кровать. Никто не должен обнаружить это признание в любви. А морская звезда...

---

²⁸ Я тебя люблю! (*фр.*)

²⁹ В будущем (*лат.*).

Значит, он слышал, о чем она говорила с Платошей. Слышал, что морская звезда поразила ее, – и решил подарить ей несчастное животное!

На следующее утро, когда Варжовцы безмятежно спали, а городок был в легком тумане, Полина пробежалась к пляжу, где выпустила морскую звезду в тихие волны. Попад в воду, звезда ожила и, подгоняемая бризом, навсегда исчезла из жизни Полины. Может быть, и этот сумасброд так же бесследно исчезнет из ее жизни?

XII

– Faites le jeu, messieurs! Faites le jeu, messieurs! Rien ne va plus?³⁰

Тетя Лиззи увидела его издали. Так и есть, почтенный петербургский адвокат, Валериан Платонович Крещинский, предается своему пороку – рулетке. Впрочем, как знала Елизавета Фридриховна, Крещинский-старший имел пристрастие ко всем азартным играм, обожал ипподром и частенько покупал лотерейные билеты.

Она прошествовала по роскошному залу, обставленному в стиле ампира (красная бархатная драпировка, мраморные бюсты, позолота и тяжеленные хрустальные кронлюстры, свешивающиеся с лепного потолка). Помещение одного из самых известных казино Варжовцов было освещено мириадами свечей: электричество здесь не признавали, оно лишало чувства элитарности и сопричастности к тайне.

Елизавета Фридриховна, облаченная в темно-зеленое платье с большим декольте, с изумрудами на тонкой белой шейке и вокруг нежных запястий, шаловливо постучала веером по спине Крещинского и произнесла шаловливо:

– Vous perdrez absolument!³¹

Адвокат резко обернулся. Его лицо было налито кровью. Завидев же тетю Лиззи, он смягчился и даже пробормотал несколько светских фраз.

– Le jeu est fait!³² – провозгласил крупье, и шарик из слоновой кости в бешеном ритме побежал по кругу рулетки.

Крещинский напряженно следил за рулеткой.

– Zéro!³³ – раздался голос крупье.

Адвокат пробормотал несколько бранных слов по-русски: он проигрался в пух и прах! Он отошел от обтянутого зеленым сукном стола, тетя Лиззи последовала за ним.

– Валериан Платонович, – сказала кокетливо Елизавета Фридриховна. – Вы наверняка сегодня опять в проигрыше! Я угадала?

Крещинский брезгливо ответил:

– Вы правы! Я проигрался семнадцать раз подряд и уверен, что именно теперь мне должно повезти!

Елизавета Фридриховна, расправив веер, томно произнесла:

– Здесь душно! Давайте выйдем на свежий воздух! В казино витает аромат отчаяния и жадности, мне не по себе!

Через десять минут они оказались на вечернем променаде. Крещинский все еще никак не мог смириться с проигрышем.

– Вы только подумайте, семь тысяч рублей золотом! И они все оказались в лапах этих негодяев! Они обообрали меня, эти ироды!

Тетя Лиззи ответила:

– Но, милейший Валериан Платонович, никто не неволит вас и не тянет на аркане в игорный дом или на скачки. Подскажите мне: каков ваш финансовый дефицит на этот момент?

Крещинский обернулся, затем произнес шепотом:

– Мадам, не нужно кричать о моих затруднениях на всю набережную! Для всех я – богатый, преуспевающий и чрезвычайно ловкий адвокат по бракоразводным делам!

---

³⁰ Ваши ставки, господа! Господа, ваши ставки! Ставок больше нет? (фр.)

³¹ Вы непременно проиграете! (фр.)

³² Игра началась! (фр.).

³³ Зеро! (фр.)

– Последние два эпитета верны, – заявила тетя Лиззи. – Если бы не вы, Валериан Платонович, то мне бы никогда не достались капиталы моего первого супруга, которые, увы, давно закончились. А вот что касается богатства... В этом вы перещеголяли меня.

Она усмехнулась, и в ее красивых глазах мелькнуло презрение.

– Вы бедны, более того, у вас долгов как минимум тысяч на триста. Триста тысяч рублей – откуда вы их возьмете? Даже такой проныра, как вы, не заработает подобную сумму, если будет трудиться день и ночь над всеми мыслимыми процессами современности!

Крещинский достал золотой портсигар, вынул короткую папиросу и закурил:

– Елизавета Фридриховна, я вижу, что вам доставляет особое наслаждение издеваться надо мной! Вам известно, каким образом я намерен заплатить кредиторам в срок!

– Еще бы, – вздохнула тетя Лиззи. – Для этого ваш прелестный сын и женится на моей глупенькой племяннице. Она ведь без ума от вашего Платоши! Так что не печальтесь, Лев согласен отдать Платону Полину в жены. Я разузнала и размер предполагаемого приданого...

Крещинский нервно воскликнул:

– Я вас прошу, сударыня! Не томите меня!

– Ровно полмиллиона рубликов! Этого с лихвой хватит, чтобы оплатить все долги азартного папаша и устроить счастье наших молодых. Конечно, существует опасность, что через некоторое время вам снова понадобятся деньги...

– Нет, я прекращаю играть, – заявил Крещинский. – Сегодня был последний раз! Я дал себе зарок – никогда более не прикасаться к картам и фишкам!

– И надолго ли вас хватит? – проговорила игриво тетя Лиззи. – Кстати, не забывайте, что одну пятую от суммы, которую Лев дает в качестве приданого за Полиной, получаю я. Если бы не моя крайняя нужда, я бы ни за что не помогала вам в обустройстве брака вашего Платоши с Полиной. Поверьте, она могла бы найти себе и другого супруга – богатого и знатного. Я бы ни за что не стала принуждать ее к браку с тем, кого девочка не любит, но все дело в том, что она обожает вашего сына!

Валериан Платонович крикнул и зло добавил:

– Только не изображайте меня Скупым рыцарем и Гобсеком, я желаю своему чаду лишь счастья. И судьба вашей племянницы мне тоже безразлична! Но мне нужны деньги, чтобы заплатить долги! Иначе я – конченный человек!

– Валериан Платонович, – сказала тетя Лиззи серьезно. – Не кажется ли вам, что вы поздно спохватились? Ну хватит об этом! Полин станет женой вашего Платоши, ведь он ничего не знает о вашем замысле? Или все же знает?

– Не ваше дело, – ответил грубо Крещинский. – Я благодарен вам за то, что вы сумели организовать нашу встречу здесь, в Варжовцах, а до этого искусно внушить Полине, что она любит моего сына. Черт, может, она и в самом деле его любит! И они будут счастливы, почему бы и нет!

– Вероятно, это так, – проронила тетя Лиззи. – Сегодня прекрасный вечер, ведь так? Я не позволю вам больше проигрывать в казино дикие суммы. Я желаю Полин только одного – семейного счастья!

XIII

Спустя несколько дней слухи сменились точной информацией – на курорт прибывает король Герцословакии Павел Четвертый с супругой и наследником престола принцем Каролом.

– Моя дорогая, – сказал Платон в возбуждении, явившись как-то на виллу к семейству Новицких. – Полин, у меня для вас радостная новость. Посмотрите!

Он протянул девушке пергаментный конверт, увенчанный монограммой «P IV L» – Pavle IV Lubomirovic.

Полина вскрыла его, достала лист, похожий на древний пергамент, с печатью, изображавшей герб Герцословакии – дракона, извергающего пламя, с короной на змеевидной голове и тремя звездами на червленом небе.

На желтоватом листе витиеватым почерком было написано, что мадмуазель Полина Новицких, подданная Российской империи, официально приглашается на прием по случаю чествования короля Павла IV Любомировича, его супруги королевы Милицы и наследного принца Кароля.

– Прием состоится через два дня, – сказал молодой Крещинский. – В отеле «Palais de la Mer». Будут только избранные! Полин, поверьте, многие бы отдали душу за то, чтобы оказаться там!

Полина радостно воскликнула:

– Платоша, но как вам удалось получить эти приглашения? Собственно, кто я такая – обыкновенная отдыхающая из Петербурга, у меня нет ни титула, ни связей при дворе!

Платон, поцеловав Полине руку, произнес:

– Для вас, Полин, я достану даже звезды с небес!

Известие о том, что Полина вместе с Платоном приглашены на прием по случаю визита герцословацкого короля, произвело неоднозначную реакцию. Старший Новицких, убежденный сторонник конституционной монархии или даже парламентской республики как наиболее подходящего устройства государственной власти, заявил:

– Полина, зачем тебе этот придворный театр? Твоему деду, Константину Лаврентьевичу Новицких, в бытность его товарищем министра юстиции при Александре Втором, царь до того, как отправил его в отставку, предложил на выбор или графский титул, или крупное денежное вознаграждение. Твой дед поступил мудро и прозорливо, выбрав деньги! Монархическая мишура и дворцовая pompa отживут свое, я уверен, что в течение пятидесяти лет на планете не останется ни единой монархии!

Отец иронизировал над Полиной, которая была полна трепета и радости. Лев Константинович никогда не бывал при дворе, хотя у него имелось звание камергера. В прошлом, юбилейном для Романовых году он поместил в газете объявление на пол-листа о продаже придворного мундира, а затем отказался пить за здоровье государя, мотивируя это тем, что не хочет провозглашать здравицу тому, кто на полном серьезе считает себя хозяином земли русской и продолжает проводить азиатскую политику. Скорее всего, как намекали некоторые проправительственные газеты, Новицких никак не мог забыть, что в 1903 году царь самолично вычеркнул его фамилию из списка претендентов на вакантный министерский портфель и вроде бы заявил:

– Каков отец, таков и сын!

– Но, папа, – пыталась возразить Полина. – Я же еще никогда не была при дворе.

– И не будешь, – упрямо заявил Лев Константинович. Затем, смягчившись, поцеловал дочку и примирительно сказал: – Слава богу, что ни твоей матушке, ни мне не пришли такие приглашения! Думаю, один раз надо посмотреть на этот балаган! Только, прошу тебя, не забы-

вай, что это все – театр. Павел Четвертый, по сути, тиран, он правит страной без парламента, он – поклонник муштры и военщины.

Полина решила не забивать головку рассказами отца. У него свои счета с монархией, а она будет наслаждаться предстоящим праздником. Зато мадмуазель Шнайдер, узнав, что ее воспитанница появится на королевском балу, как обычно, ужасно разволновалась:

– Pauline, Sie werden Seiner Majestät vorgestellt! Pourquoi ne peuh-je pas me retrouver dans le palais?³⁴

– Но прием пройдет не во дворце, а в отеле, – пыталась объяснить ей Полина, однако mademoiselle решительно не хотела этого слышать.

Тетя Лиззи взяла на себя выбор платья. Времени оставалось мало; совершив рейд по лавкам модисток в Варжовцах, Полина с унынием констатировала, что все наряды раскуплены, остались только самые страшные и немодные.

– В чем же я пойду на прием? – убивалась она. – На то, чтобы сшить платье, потребуется как минимум неделя, а прием – завтра!

Тетя Лиззи, как всегда, не терявшая присутствия духа, раскуривала тонкую дамскую сигарету «Сафо» с золотым наконечником. Затем Елизавета Фридриховна изрекла:

– Кажется, я знаю, что мы должны сделать!

То, что предложила тетя, оказалось верхом безумия. Не ставя никого в известность, дамы сбежали с виллы и направились к аэродрому, который за особую плату предоставлял отдыхающим особый аттракцион – полет в воздухе!

Тете не составило труда убедить молодого пилота, что к ее словам стоит прислушаться. Летчик, узнав, чего хочет от него тетя Лиззи, в ужасе воззрился на нее и прошептал на плохом французском:

– Но, мадам, это совершенно исключено!

– Вы так думаете? – хмыкнула тетя Лиззи. Она вытащила из сумочки всю свою наличность и, видя, что пилот все еще колеблется, сорвала с руки платиновый браслет, усыпанный сапфирами и бриллиантами.

Тетка предложила летчику отвезти ее племянницу в столицу Герцословакии, которая располагалась в ста тридцати километрах к северу от Адриатики.

– Сейчас половина второго пополудни, – высчитывала тетя Лиззи. – Вы окажетесь там через час. И у тебя будет достаточно времени, моя дорогая, чтобы выбрать себе наряд. Увы, лететь с тобой я не смогу, место есть только для одного. Но, собственно, кто сказал, что новейшее изобретение века, самолет, нельзя использовать как извозчика и отправиться на нем за покупками в столицу!

Платиновый браслет окончательно развеял сомнения пилота, и через десять минут хрупкая машина стартовала. Полина видела полет подобных монстров в синематографе, несколько раз наблюдала в Петербурге за смельчаками, которые выделяли в небе смертельные трюки. Но чтобы самой лететь на этой колымаге...

---

³⁴ Полин, вы будете представлены государю! Почему я не могу оказаться во дворце? (нем., фр.)

XIV

Она зажмурила глаза, когда самолет оторвался от поля. На какой-то момент Полине показалось, что он пикирует вниз и столкновение с землей неизбежно. Затем, переборов страх, девушка приоткрыла один глаз. В кабине было весьма прохладно, ветер свистел в ушах. Она посмотрела на игрушечные домики и блестящее море, которые остались внизу. У Полины захватило дух.

Она могла явственно различить деревья, праздно одетую публику, людей, которые задирают голову, привлеченные гулом с неба. Затем начались горы – величественные, остроконечные, с шапками снегов и ледниками. Полина разглядывала хижины, притулившиеся где-то на отрогах гор, один раз увидела даже разбредшееся стадо козочек и пастуха, который смотрел вверх, а потом, перекрестившись, бросился бежать прочь, подгоняемый отчаянным лаем свирепой овчарки.

Полет несколько утомил ее, глаза начали слипаться, и, несмотря на неудобную позу, Полина заснула. Пришла в себя она только от толчка: самолет приземлился. Они прибыли в столицу.

Договорившись с пилотом о том, что он будет ждать ее, Полина устремилась на поиски извозчика. Такового поблизости не оказалось, и ей пришлось добираться на скрипучей телеге, заполненной пахучим сеном, едва ли не до центра города. Затем, дабы продавщицы в лавках не подняли ее на смех – клиентка, требующая бальное платье, прибыла на телеге, – она пересела в ландо, которое и доставило ее на один из проспектов, где располагались модные магазины.

Выбор был не ахти, все же в гористой Герцословакии жило столько же людей, как и в Санкт-Петербурге, около двух миллионов, и мода здесь запаздывала как минимум на полгода. И все-таки Полина смогла найти то, ради чего и предприняла нелепое путешествие, – очаровательное белое платье, украшенное воланами и оборочками, образчик новейшей парижской моды.

Расплатившись (хорошо, что при ней была скромная сумма, которую Полина хранила в копилке), она на извозчике вернулась обратно на поле, где ее ждал самолет. Они возвратились в Варжовцы под вечер, на аэродроме ее встречала тетя Лиззи.

– Рара уверен, что мы совершаем длительный моцион, а потом принимаем минеральные воды, – сообщила она племяннице. – Ему лучше не говорить, что ты летала за платьем. Иначе на завтрашний бал он тебя точно не пустит!

Сообщив родителям, что чудное платье совершенно случайно отыскалось в одном из бутиков курорта, Полина в изнеможении бросилась на кровать. Вот это приключение! Под большим секретом она сообщила о своей сумасбродной выходке Платоше. Тот сначала никак не мог взять в толк, о чем говорит Полина, затем его глаза расширились от ужаса, и он прошептал:

– Полин, неужели вы не сочиняете? Вы поступили крайне безответственно! А если бы самолет потерпел крушение, где нам искать вас – в непроходимых Карпатах?

– Платон, – обиделась на жениха Полина. – Карпаты – это в Трансильвании!

Молодой Крещинский был потрясен, он заставил Полину дать торжественную клятву, что она никогда не посмеет сделать чего-то подобного.

– Моя дорогая, вы мне слишком дороги, чтобы потерять вас накануне свадьбы! – произнес он. Полина же решила, что непременно еще раз поднимется ввысь на самолете. Но Платоше знать об этом вовсе не обязательно.

Выглаженное, платье превратилось в подлинный шедевр. Тетя Лиззи помогла племяннице облачиться в роскошный наряд, затем Елизавета Фридриховна даже всплакнула и заметила:

– Полин, ты совсем взрослая! Глядя на тебя, я словно смотрю в зеркало – и вижу собственное отражение двадцать лет назад.

Лев Константинович одобрил наряд дочери, Ксения Теодоровна, которая чувствовала себя неважно, также удостоила дочь вялого комплимента. Тетя Лиззи притащила в комнату племянницы шкатулку, распахнула крышку и сказала:

– Тебе необходимо выглядеть, как придворной даме. Ну-ка, посмотрим, что у меня еще сохранилось!

Они перебрали драгоценности и остановили свой выбор на тонком бриллиантовом колье с жемчужными подвесками.

– Я получила это от своего второго мужа, – мечтательно проговорила тетя Лиззи. Она умолчала о том, что позаимствовала эту семейную драгоценность из сейфа, когда покидала супруга навсегда.

Полина поразила себе в зеркале – на нее смотрела чужая светская дама в прекрасном наряде, с модной прической и бриллиантами вокруг шейки. Платоша появился ровно в половине шестого – прием был назначен на восемнадцать часов. Он выглядел подлинным джентльменом в черном фраке, белой манишке и лайковых перчатках. Их ждал наемный автомобиль. Платон подал Полине руку, и та заняла место на синем бархате.

XV

Казалось, что к отелю «Palais de la Mer» стекаются только самые богатые и красиво одетые люди. Около здания отеля, выстроенного в испанском стиле, возникла даже небольшая пробка, в которой смешались извозчики, библикающие клаксонами автомобили и конные полицейские.

Внутри отеля все сверкало и лучилось золотом и бронзой. Полина впервые была на балу, однако она чувствовала себя свободно и раскованно. Предъявив приглашения, молодые люди прошли во внутренний сад.

Около искусственного грота с водопадом уже было сервировано шампанское и легкие закуски. Господа, все как один, были одеты в черные фраки, дамы изумляли пышными нарядами и немыслимыми драгоценностями.

Полина и Платон прошли в бальный зал. Все было готово к визиту короля, его супруги и кронпринца. Наконец, около половины седьмого (видимо, Павел Четвертый не придерживался мнения, что точность – это вежливость венценосных особ) затрубили фанфары, облаченные в старинные рыцарские доспехи глашатаи заняли место около дверей. Разговоры смолкли. Полина и Платон были в первом ряду. Церемониймейстер объявил: его величество король Герцословакии Павел Четвертый Любомирович, а также королева Милица и наследный принц Кароль почтили прием в их честь своим визитом.

Снова раздались фанфары, Полина увидела, как по пурпурной ковровой дорожке неспешно шествует невысокий, средних лет человек в офицерской форме полковника. Это и был король Павел. С рыжеватой округлой бородкой и седеющими усами, он смотрелся скорее унтер-офицером, чем полновластным властителем Герцословакии. По левую от него руку шествовала высокая, головы на две выше, чем сам король, дама в шикарном светло-розовом одеянии, гигантской шляпе и с массивным зонтиком.

– Королева Милица, – шепнул Полине Платон. – Вроде бы его величество во всем слушается супругу, она же фактически и заправляет всеми делами в стране. Ужасная мегера, как рассказывают!

Полина улыбнулась. Милица была красива – голубые глаза, черные локоны, однако все портило надменное выражение холеного стареющего лица. Бесценное кольцо в двадцать рядов обвивало ее шею, и огромные молочные жемчужины покачивались в такт медленным шагам. Королева с брезгливой миной скользила взглядом по рядам склонившихся перед ней гостей. Видимо, она давно привыкла к раболепству и почитанию.

Настала очередь и Полины присесть в книксене. Однако, вспомнив демократические устои отца, она осталась стоять с гордо поднятой головой, хотя ее ближайшее окружение присело перед монаршей четой. Платоша хотел, как и все, склонить голову, но Полина пребольно сжала его ладонь, запретив это делать. В конце концов, это не русский император, а государь какой-то крошечной, меньше Московской губернии, страны.

Король Павел крутанул головой, ссутулился и отвел взгляд. Королева Милица метнула в Полину разгневанный взгляд, ей явно не понравилось вызывающее поведение девицы.

Наследник престола, подросток лет тринадцати, как и отец, облаченный в сияющую золотыми эполетами военную форму с кортиком наперевес, выглядел болезненно: бледное лицо, темные круги под глазами, потупившийся взор. Полина вдруг отчетливо поняла, что в семействе Любомировичей, пусть они будут трижды короли, нет счастья и любви. В желтой прессе осторожно намекалось, что Павел давно завел себе любовницу, а Милица тиранит слабовольного мужа и слабого здоровьем сына и закатывает свои знаменитые истерики – с битьем раритетного фарфора, швырянием короны из окон дворца, катанием по мраморной лестнице и сталкиванием премьер-министра в фонтан.

Их величества подошли к золотым креслам под балдахином – своего рода тронам, которые были установлены специально для них. Павел опустился на бархат, его сын стал рядом с отцом, однако только когда королева Милица, снова оглядев всех присутствующих и задержав взгляд на Полине, уселась на трон.

По ковровой дорожке проследовали генералы, министры и прочие представители королевской свиты. По старинному обычаю, королю Павлу преподнесли на серебряном подносе золотую чарку с водкой, которую тот с жадностью и осушил. Следя за ритмичными движениями королевского кадыка, Полина вдруг подумала, что король наверняка любитель приложиться к бутылке.

XVI

Заиграл оркестр, начались разговоры. Полина видела, как Милица, подзвав одного из придворных, показывает зонтиком в ее сторону и что-то произносит недовольным тоном. Один из адъютантов, оторвавшись от толпы перед тронами, подошел к Полине и сурово спросил по-французски:

– Мадмуазель, могу ли я убедиться в том, что вы вправе находиться на приеме в честь их величеств?

Платоша, со страхом взглянув на адъютанта, начал что-то путано объяснять, Полина же протянула офицеру приглашение. Тот внимательно прочел его, затем сказал:

– Мадмуазель Новицких, вынужден вам напомнить, что в присутствии их величеств вы обязаны соблюдать придворный этикет, а именно приветствовать короля и королеву глубоким книксеном.

Платоша побледнел, снова начал что-то лепетать, путая артикли и времена. Он пытался донести до королевского адъютанта свои верноподданнические чувства и назвал все случившееся «выходкой глупой девчонки».

Полина топнула ножкой и проговорила по-русски, обращаясь к жениху:

– Значит, выходка глупой девчонки? Как бы не так! Платон, замолчите!

Затем обратилась к адъютанту и гневно заметила:

– Передайте ее величеству, что я прекрасно знакома с придворным этикетом, однако право, следовать ему или нет, я оставлю за собой!

Адъютант, видимо, не привыкший к подобным дерзостям, в изумлении посмотрел на Полину. Платоша застонал. Полина добавила:

– Именно это и передайте ее величеству!

– Что вы наделали! – произнес молодой Крещинский, когда адъютант удалился. – Полин, как вы могли! Вы представляете, что это означает? Это же форменный скандал! Нас в два счета выставят вон! Ах, Полин, как можно быть такой неблагоразумной и упрямой!

Адъютант доложил королеве Милице о беседе с Полиной, и по мере того, как он излагал историю, щеки ее величества приобретали оттенок увядшей сирени. Милица взвизгнула, и ее крик привлек внимание гостей, которые осторожно, чтобы никто не заподозрил нездорового интереса, посмотрели в сторону их величеств.

– Полин, – продолжал убиваться Платоша. – Ну почему вы ведете себя, как маленькая дерзкая девчонка! Вы думаете, что нагрубить королеве Герцословакии – это бонтонно?

– Платон, – прервала она стенания жениха. – Если вы опасаетесь того, что нас немедленно схватят и заточат в темницу за оскорбление королевы, то можете удалиться! Я вас не держу!

Полина осмотрелась. Платон произнес:

– Смотрите, к нам движется стража! Вы что, разве забыли о том, что Герцословакия – абсолютная монархия? Одно слово королевы, и нас отдадут под суд!

– Мы живем в двадцатом веке, веке прогресса и человеческих свобод, – назидательно проговорила Полина и все же немного испугалась, заметив, как к ней направляется статный пожилой военный, облаченный в мундир с массой орденов и темно-синей муаровой лентой.

Старик с военной выправкой и роскошными усами представился:

– Добрый день, сударыня! Меня зовут Петр Любомирович, я – великий князь и дядя короля Павла. Скажу вам откровенно, я в восхищении от того, как вы поставили на место эту беспардонную особу. Я имею в виду жену моего несчастного и слабовольного племянника Павла!

Платоша ожидал всего, чего угодно, но только не таких слов. Великий князь Петр поцеловал руку Полине, а затем продолжил:

– Скажу вам честно, я поражен подобной смелостью. Милица – психопатичная особа, которая уверена, что никто не смеет ей перечить и не подчиняться ее приказаниям. Я, генерал-фельдмаршал и начальник военного штаба страны, много раз получал от нее приказания по поводу того, как мне вести маневры или реорганизовать армию.

Платоша что-то проямлил, однако на его мычание никто не обратил внимания. Великий князь Петр заметил с грустной улыбкой:

– Однако, сударыня, я вынужден передать вам приказ моего племянника-короля: вы должны немедленно предстать перед их величествами. Милица велела арестовать вас за оскорбление королевского сана, но мой несчастный племянник не хочет проблем с таким могучим союзником, как Россия. Не бойтесь Милицу, если она почувствует, что вы не испытываете перед ней страха, то ее запал пройдет. Прошу вас, сударыня!

Крещинский, бледный как полотно, прошептал слабым голосом:

– Что будет, что будет! Поймите, Полин, это все ваша выходка! Нас велели арестовать! Ах, принесите извинения королеве, и дело с концом!

– Платон, как же вы занудны, – произнесла Полина и направилась за великим князем Петром к балдахину, под которым скучал король Павел и бесилась королева Милица. Девушка заметила, что всеобщее внимание уделено только одной персоне – ей самой. Гости перешептывались, наверное, передавая друг другу самые последние сплетни и рассказывая о небывалом инциденте.

XVII

Полина подошла к их королевским величествам. Павел, подняв на нее удивительно красивые карие глаза, произнес на великолепном русском:

– Сударыня, я рад приветствовать вас на этом приеме. Вы ведь из Санкт-Петербурга?

– Вы совершенно правы, ваше величество, – ответила Полина. – Мое семейство находится здесь на отдыхе...

– Ах, – со вздохом заметил король. – Отдыхают все, кроме меня! Варжовцы – это адриатическая Ривьера. Надеюсь, что лет через десять этот городок станет столь же известен и популярен и будет приносить в казну такой же доход, что и французский курорт. Кстати, ведь ваша фамилия Новицких? Я знал вашего деда, он был товарищем министра юстиции при Александре Освободителе. Я ведь воспитывался в России. Как же давно это было...

Мужа прервала королева Милица. С грубым немецким акцентом она заскрежетала по-французски:

– Мадмуазель, видимо, вас не учили придворному этикету? Или вы не знаете, что при появлении царственных особ все обязаны выказать им свое верноподданническое уважение?

– Ваше величество, – ответила Полина. – Если не ошибаюсь, Герцословакия – это свободная страна? Если так, то каждый имеет право делать то, что пожелает, лишь бы это не противоречило закону. Мои родители воспитали меня в уважении к монархическому строю, однако это не значит, что я буду склонять голову перед царственными особами!

Милица задыхнулась от такой тирады, ее щеки сделались сизыми, она надменно произнесла:

– С таким дурным воспитанием, моя дорогая, вас нельзя пускать дальше свинарника. Вам не место во дворце!

Король Павел со слабой улыбкой прервал супругу:

– Сударыня, мне импонирует ваша смелость. Однако, надеюсь, вы не придерживаетесь нигилистических или революционных взглядов? Потому что в Герцословакии есть личности, которые уверены, что я – тиран и избавиться от меня можно только одним способом – при помощи насилия!

Полина ничего не успела ответить, так как раздался громкий выстрел. Сначала девушка не поняла, в чем дело – почему выстрелили в бальном зале в разгар приема в честь королевской четы. Или произошел несчастный случай?

Судя по крикам, воплям и всеобщей панике, это не был несчастный случай. Полина обернулась и увидела ужасную картину – великий князь Петр, тот самый статный седой старик, который беседовал с ней несколько минут назад, крепко держит за шиворот худосочного молодого человека: в руке тот сжимает дымящийся пистолет. Террорист, нелепо выглядевший в слишком большом фраке, кричал что-то на герцословацком языке. Полина уловила нечто похожее на русское:

– Смерть тирану! Да здравствует мировая революция!

К молодому человеку подбежали королевские адъютанты, скрутили его и поволокли прочь.

– Пьера хотели убить! – прошептала Милица, закатывая глаза. – Какой ужас! Вот к чему приводит неуважение к существующим порядкам! А все начинается очень просто – кто-то не хочет приседать в реверансе перед королем и королевой!

Великий князь Петр, держа левую руку на весу, подошел к Павлу и Милице.

– Дядя Пьер, что случилось? – произнес Павел. – Вас хотели убить?

– По всей видимости, именно так, – ответил Павел. – Но эти революционеры ни на что не способны. Они – не более чем сборище глупых прыщавых юнцов, которые одурманены

сладкими идеями всеобщего братства и равноправия. Этот кричал что-то о том, что я виноват в смертях солдат! Я – глава герцословацкой армии и не нуждаюсь в том, чтобы какой-то идиот указывал мне, как я должен защищать страну!

Полина заметила, что сквозь темно-синее сукно мундира просачивается кровь. Великий князь Петр сказал:

– Он даже держать пистолет не умеет! Хотел бы убить, так стрелял бы в грудь! Этого мальчишку надо как следует выдрать на конюшне, затем посадить месяца на два на хлеб и воду, а потом передать хорошим учителям, чтобы они выбили из его головы революционную дурь.

– Он будет казнен, – проговорил меланхолично Павел. – Он покушался на представителя королевской фамилии, на вас, дядя Пьер!

– О, Павел, – произнесла истерично Милица. – Ты видишь, как неблагодарен народ! Ты должен по примеру своих предков править безжалостно и беспощадно! Залить кровью всю страну, установить диктаторские законы, искоренить эту революционную ересь! И всех, я повторяю, всех, кто поддерживает этих мерзавцев, отправить на плаху! Кровь, всюду должна литься кровь! Только кровью и страхом можно править этой необузданной, дикой и неблагодарной страной! Они, эти анархисты, только того и ждут, чтобы совершить *coup d'état*!³⁵

При этом королева выразительно взглянула в сторону Полины. Наверное, ее королевское величество была не против претворить свои слова в жизнь и отправить на плаху первого смертника – саму Полину. Светское общество немного оправилось от испуга, снова заиграла музыка. Великий князь Петр отмахнулся от услуг подоспевшего лейб-медика:

– Это царапина! Пуля задела кожу, так что не стоит беспокоиться! Но, Поль, тебе необходимо усилить охрану дворца и собственной персоны! Я уверен, что рано или поздно ты и твоя семья попадете в прицел революционеров!

– О, я – монарх! Они никогда не посмеют поднять на меня руку, дядя! Ты едва не стал жертвой, потому что кое-кто затаил на тебя злость из-за военной реформы, которую ты проводишь.

---

³⁵ Государственный переворот (*фр.*).

XVIII

Полина заметила, как к королевской чете, отделившись от пестрой толпы гостей, приближается некто облаченный в черный фрак. Полина вдруг увидела того самого студента, с которым столкнулась когда-то на променаде и который проник в ее комнату, оставив морскую звезду и записку со словами «Я тебя люблю!». Сейчас же он выглядел как урожденный аристократ, его лицо было слишком бледным, а глаза горели сумасшедшим огнем.

Все, что произошло далее, заняло не более пяти секунд. Молодой человек, оказавшись около королевской четы, выпрямил руку, которую держал за пазухой, – в его ладони сверкнул револьвер. Королева Милица сначала уставилась на покушавшегося, затем дико завопила, падая на колени. Король Павел изумленно воззрился на молодого человека. Великий князь Петр заслонил собой наследника престола Кароля.

Прогремел выстрел, затем еще один. Раздался крик, и Полина увидела, как мундир короля Павла окрасился кровью. Молодой человек направил пистолет на гостей, те в ужасе расступились, убийца медленно прошествовал к окну, затем, проломив стекло и раму, выскочил в сад отеля «Palais de la Mer».

Террорист действовал четко и без спешки. Никто не ожидал, что после неудавшегося покушения на великого князя Петра практически сразу последует и другое покушение – на короля Герцословакии. Адьютантов в зале не было, они конвоировали первого анархиста.

– Павел, что они с тобой сделали! – Зал огласился криками королевы Милицы, которая на коленях подползла к мужу, съехавшему из кресла на пол. – Они убили тебя, о мой бедный Павел!

Снова возникла паника, но на этот раз куда более неуправляемая. Гости, галдя и крича, побежали прочь из зала для приемов, стража пыталась кинуться в погоню за стрелявшим, но поток придворных преградил ей дорогу. Около прерывисто дышавшего короля оказался лейб-медик. Он склонился над Павлом, тот что-то прошептал, и Полина с ужасом увидела, как изо рта короля хлынула темная кровь.

– Его величеству необходима немедленная операция, – проронил врач. – Но боже мой, для этого его нужно доставить в госпиталь!

Милица билась в истерике на груди у захлебывающегося в крови мужа, великий князь Петр пытался успокоить разошедшуюся королеву, но та не желала ничего слышать.

– Мне... трудно... дышать... – просвистел Павел. Лицо его было мраморно-бледным. Веки короля затрепетали, взгляд затуманился. – Кароль!

Он позвал сына и наследника престола. Плачущий подросток очутился перед умирающим отцом.

– Обещай мне, что будешь хранить Герцословакию. Учти, надвигается *il guerra*³⁶, которой еще не было в мировой истории. Дядя Пьер тебе поможет, слушайся его. И заботься о маме...

– О, Павел! – кричала Милица. Полина заметила, что королеве доставляет противоестественное удовольствие разыгрывать трагедию и стенать около умирающего мужа.

Принц Кароль протянул к отцу руки, тот коснулся его белой ладонью и добавил:

– И не забудь о...

Голова монарха скатилась набок, он так и не закончил фразу. Великий князь Петр гневно крикнул медику по-французски:

– Черт вас побери, клистирная трубка, сделайте же что-нибудь! Он потерял сознание! Не дайте ему умереть!

Врач склонился над королем, проверил пульс и покачал головой:

---

³⁶ Война (*ит.*).

– Одна пуля задела легкое, а другая, судя по всему, повредила предсердие. Его величество был обречен с самого начала. Увы, я вынужден констатировать, что его величество король Герцословакии Павел Четвертый Любомирович скончался!

– Что ты мелешь! – в ярости воскликнул дядя короля. Он схватил медика за отвороты фрака и поднял над полом. – Ты врешь, пес! Поль не мог умереть!

Милица же, услышав, что ее супруг отдал богу душу, немедленно прекратила истерику, как будто кто-то повернул выключатель. Стенания стихли, слезы просохли. Королева, поднявшись с колен, запечатлела на лбу бездыханного мужа поцелуй.

– Пьер, – сказала она злым тоном. – Отпусти медика, он ни в чем не виноват!

Около трона появился растерянный премьер-министр Герцословакии, засуетились адъютанты, показалась стража. Милица, полная величия и спеси, произнесла громогласно:

– Его величество скончались! Моего мужа убили революционеры, поэтому я объявляю: его убийца должен быть пойман и предан справедливому суду, который, как я уверена, приговорит его к смертной казни через расстрел... Нет, через четвертование... Нет, посадение на кол! Как в Средние века! Тогда не было никаких революций и царей не убивали, как мух! Господин премьер, пишите указ: за поимку убийцы короля Павла обещается награда в размере пятидесяти тысяч золотом!

Затем королева подошла к плачущему сыну, потрепала его по голове и сказала:

– Король умер – да здравствует король! Кароль, мальчик мой, отныне ты и есть правитель нашей бедной страны! Однако тебе всего лишь тринадцать, поэтому до твоего совершеннолетия регентшей становлюсь я, твоя мудрая и прозорливая мать! Премьер, пишите манифест о восшествии на престол короля Кароля Седьмого. Обязанности фактического главы государства до достижения моим сыном двадцати одного года беру на себя я, королева Милица Великая!

– Милица, – попытался возразить великий князь Петр. – Негоже делить власть у еще не остывшего тела...

Милица топнула ногой, ее взгляд метал молнии:

– Пьер, не забывайся, кто ты и кто я! С этой секунды я – законная регентша при малолетнем короле! То есть именно я отдаю приказания и издаю указы! В стране объявляется недельный траур по моему безвременно усопшему супругу! Кароль, перестань хныкать, быть королем тяжело, но твоя мамочка поможет тебе в этом!

Затем Милица уставилась на Полину и ядовито проговорила:

– Всем, кто не имеет отношения к правящей династии, я приказываю убраться прочь! Сударыня, так и быть, я прощу вам вашу дерзость, хотя все начинается именно с небрежения этикетом, а завершается цареубийством. И вот еще что, господин премьер, – я запрещаю въезд в мою страну семейству Новицких. Пусть проведут до конца свой отпуск, я не буду высылать их из Герцословакии, дабы не провоцировать ссоры с Петербургом, однако более в мою страну вы не въедете! А теперь прочь, прочь! Прочь, смерды!

Великий князь Петр шепнул девушке:

– Сейчас вам лучше всего удалиться, Милица почувствовала себя всемогущей, не следует испытывать ее терпение. Я постараюсь повлиять на нее и предотвратить репрессии с ее стороны к вам и вашей семье.

Полина, взглянув последний раз на торжествующую Милицу, хлюпающего носом нового короля Герцословакии тринадцатилетнего Кароля и мертвое тело предыдущего правителя Павла, побрела из зала для приемов.

XIX

Как же все разительно переменялось! Всего четверть часа назад здесь царило веселье, праздность и радостное настроение, теперь же холлы гостиницы были заполнены мрачными полицейскими, стягивались конные войска, командование взяли генералы.

Полина вышла из ворот отеля и услышала встревоженный голос Платоши:

– Ну где же вы были, Полин? Что вы там делали? Я уже думал, что вас арестовали! Боже мой, что же теперь будет?

– Ничего хорошего, – ответила Полина. – Король Павел скончался, престол занял его рахитичный сын, волей которого по своему полному усмотрению будет вертеть Милица. Платон, увезите меня отсюда!

Домой им пришлось возвращаться пешком, так как во вселенской давке автомобиль не мог проехать по улицам. Увидев Полину в измятом платье, тетя Лиззи всплеснула руками и произнесла:

– Девочка моя, что случилось? Боже мой, у вас весь подол в крови! Что такое, на вас напали грабители?

На вилле Новицких еще не знали об убийстве короля Павла, поэтому, когда Полина и Платон рассказали о произошедшем, Лев Константинович произнес со вздохом:

– Это начало конца! Павел был далеко не самым лучшим монархом, но его жена, которая теперь будет заправлять всеми делами в Герцогстве, намного хуже! И тем более сейчас, в горячую пору после убийства эрцгерцога в Сараеве. Говорят, что на днях Австро-Венгрия предъявит Сербии ультиматум, и можно только догадываться о его содержании. Не дай бог, если все это приведет к войне! Война на этот раз будет ужасной – в первую очередь в своей бессмысленности.

После страшных событий Полине хотелось только одного – оказаться в своей комнате и побыстрее заснуть. Платоша на редкость резво распрощался и исчез. Полина, оставив тетю Лиззи и отца беседовать о политике, поднялась к себе в комнату. На пороге она столкнулась с мадмуазель Шнайдер. Гувернантка перекрестила девушку, поцеловала в лоб и произнесла:

– God bless you, my child! All das ist ein schlechtes Omen!³⁷

Полина отворила дверь в спальню, зажгла ночник, сняла мятое и окровавленное платье. Хлопало приоткрытое окно, духота сменилась холодом надвигающегося ливня. Девушка закрыла окно, затем прошла в ванную комнату. Мертвящий свет залил выложенное мрамором пространство, Полина вскрикнула – на краю купели сидел тот, кого она меньше всего ожидала увидеть в своей комнате, – студент, убийца короля Павла!

---

³⁷ Храни тебя господь, дитя! Все это плохой знак! (англ., нем.)

XX

– Что вы здесь делаете? – неизвестно почему прошептала девушка. Сообразив, что она находится перед незванным гостем только в одних панталонах, Полина выскочила из ванной. Накинув дрожащей рукой шелковый халат, она уселась на кровать.

Молодчик последовал за ней. Он был облачен все в тот же черный фрак, который как влитой сидел на его фигуре. Юноша был бледен, Полина заметила рукоятку револьвера, которая выглядывала из кармана его брюк.

– Немедленно ответьте мне, что вы делаете в моей спальне! – произнесла она громким шепотом по-французски. – Или я позову на помощь!

– Вы могли сделать это уже давно, – ответил ей по-русски практически без акцента незнакомец, и Полина поразила его красивому низкому голосу. – Я скрываюсь в вашей спальне от полиции, которая наверняка ищет меня, желая арестовать и покарать за убийство короля Павла. Вы ведь тоже были на этом злополучном приеме, не так ли? Вы все видели...

Сцена убийства короля снова возникла перед глазами Полины. Она качнула головой и заметила:

– Зачем вы это сделали?

Молодой человек ответил:

– Потому что Павел заслужил это! Он жуткий тиран, который не гнушался подписывать смертные приговоры сотням моих товарищей на ломберном столике в перерыве между игрой в карты.

– И чего вы добились этим? – спросила Полина, чувствуя, что дрожит всем телом. – Павел умер, я видела это собственными глазами, но трон занял его сын, фактически же правительницей сделалась королева Милица. Я знаю ее всего лишь полчаса, однако сразу скажу, что она крайне неприятная особа. Уверена, что ее эра будет еще кровавее, чем период правления Павла. Кстати, вы знаете, что она велела разыскать вас и предать публичной казни?

– Кто бы сомневался, – заметил цареубийца. – Наша организация покарает и Милицу – осталось только немного подождать! Я уверен, что в скором будущем Герцословакия станет первой в мире страной, которая воплотит в жизнь гениальные идеи Фурье, Маркса и Энгельса! И добиться всеобщего равенства, устранения тирании и счастья для простого народа можно только так – убив тиранов!

– Странно, – проронила Полина. – Вы хотите выстроить идеальное государство на кровавом фундаменте. Вы думаете, у вас получится?

В дверь комнаты Полины постучали. Молодой человек ретировался в ванную комнату, Полину подошла к двери и открыла ее.

– Everything all right? – спросила мадмуазель Шнайдер. – Pauline, ich habe ganz zufällig Sie mit jemandem reden hören. Et j' ai un sentiment qu'il y a encore quelqu'un dans votre chambre!³⁸

– Ну, милая мадмуазель Шнайдер, – сказала Полина, поцеловав старушку-гувернантку в щеку. – Я всего лишь читала вслух. Спокойной ночи! Ложитесь спать, прошу вас!

– Wenn so, – поджав с викторианской чопорностью губы, заметила недоверчиво мадмуазель Шнайдер. – Ich wünsche Ihnen eine gute Nacht, Pauline!³⁹

Полина прикрыла дверь и на всякий случай осторожно повернула ключ на два оборота. Мадмуазель Шнайдер иногда проявляла повышенную опеку и «совершенно случайно» слышала то, что для ее уха вовсе и не предназначалось.

---

³⁸ Все в порядке? Полин, я совершенно случайно слышала, как вы разговариваете с кем-то. И мне показалось, что у вас в комнате есть кто-то еще! (англ., нем., фр.)

³⁹ Ну если так, желаю вам покойной ночи, Полин! (нем., фр.)

– Как вас зовут? – раскрыв дверь в ванную, спросила девушка. – И откуда вы знаете русский язык?

Молодой человек ответил:

– Славко Трбоевич. Я провел в Петербурге три года, учился в Михайловском юнкерском училище. Однако руководству корпуса не понравилось то, что я критикую вашего царя, и меня отчислили, как бунтаря и нарушителя спокойствия.

– Славко, – произнесла Полина его имя. – Это же вы положили мне на стол морскую звезду и... И записку «Je t'aime!»?

Славко смутился:

– Да, это сделал я! Вы поразили меня в тот момент, когда я увидел вас на набережной. Вы были не одни – со слащавым франтом, который нудно и долго признавался вам в любви...

– Как вы смее! – вспыхнула Полина, не чувствуя, однако, что резкие слова в адрес Платоши причинили ей боль. – Этот франт, как вы изволите выражаться, мой жених и будущий супруг!

– Он вас не любит, – произнес Славко. – И вы знаете, что это так! Хуже всего, что вы сами его не любите! Я видел, как он жеманился и строил из себя настоящего мужчину, читая вам нотации. Я видел, что вас впечатлила морская звезда, однако он не хотел купить ее, остановив свой выбор на сладостях. Поэтому... Поэтому я проследил и, узнав, где вы живете, проник в эту комнату – ваш силуэт я видел из сада – и оставил морскую звезду.

– А также записку, – напомнила Полина. – Как вы можете! Вы думаете, что это соответствует правилам хорошего тона?

Славко посмотрел на нее, и Полина поразилась страданию в его глазах.

– Я в самом деле люблю вас, – произнес он. – Я полюбил вас в тот момент, когда услышал ваш голос... Когда проник в вашу комнату... Когда сегодня снова столкнулся с вами на приеме...

– Что за чепуха! – закричала Полина. Затем, опасаясь, что мадмуазель Шнайдер снова «совершенно случайно» окажется около двери в ее спальню, прошептала: – Вы забываетесь! Что вы себе позволяете! Как вы можете!

Славко печально усмехнулся:

– До этого я думал, что вся моя энергия направлена только на дело революции и низвержения тирании. Но теперь я понимаю, что... что могу любить!

– Чепуха! – повторила Полина. – И вообще, вас никогда не учили, что находиться в комнате дамы без ее согласия нельзя? Попрошу вас удалиться! Тем же самым способом, каким вы и оказались в моей спальне!

Она подошла к окну, распахнула створку. В лицо ей пахнуло свежестью: лил дождь, где-то вдали слышались раскаты июльской грозы. Славко вскарабкался на подоконник, Полина схватила его за локоть.

– Ну куда же вы, – устыдившись сиюминутного порыва, произнесла она. – Вам есть куда идти?

– Нет, – честно ответил Славко. – Вообще-то я и не предполагал, что мне удастся сбежать из отеля. Я был готов умереть. Однако когда понял, что никто не спешит меня арестовывать или убивать, то выпрыгнул в окно. Моего несчастного товарища арестовали, он находится в руках тайной полиции. Наверняка они применяют к нему побои и пытки, чтобы узнать наши тайные явки и убежища. Они выбьют из него мое имя! Так что мне некуда идти!

– И что же вы планируете, – закрыв окно, спросила Полина. – Как вы намерены жить дальше? Я уверена, что Милица и ее ищейки приложат все усилия, чтобы отыскать вас!

– Я не знаю, – произнес Славко. – Моя семья давно отказалась от меня. Мой отец, крупный землевладелец и финансист, видел меня в роли продолжателя своего капиталистического дела. А когда он узнал, что я отчислен из юнкерского училища в Петербурге, то выгнал меня

из дома. Мой младший брат занял мое место. Я не могу обратиться к родственникам, потому что первое, что они сделают, – сообщат обо мне в полицию.

Полине внезапно стало жаль этого молодого идеалиста. Раньше бы она упала в обморок, скажи ей кто-нибудь, что она окажется в одной комнате с убийцей. Ведь Славко хладнокровно застрелил короля Павла. Но не может же она выгнать его на улицу: молодого террориста арестует первый же полицейский патруль, состоится показательный суд, и этого безумца, плененного идеями социализма, казнят.

– Возьмите одеяло, – велела Полина. – Вы постелете себе... в ванне! Да, почему бы, собственно, и нет, именно в ванне! Купель большая, так что вам должно быть удобно. Хотите есть?

– Очень, – ответил Славко.

XXI

Полина, озираясь, чтобы не столкнуться с вездесущей мадмуазель Шнайдер, спустилась вниз, на кухню. Она положила на тарелку шницель, оставшийся после ужина, захватила немного ветчины, хлеба и зелени. На выходе из кухни ее поджидала мадмуазель Шнайдер.

– У меня пробудился зверский аппетит, – сказала в ответ на ее немой вопрос Полина. – Знаете ли, мадмуазель, все эти переживания сегодняшнего вечера нужно просто заесть! Так советуют маститые китайские врачи!

– Well, these Chinese, – произнесла, провожая девушку взглядом, mademoiselle. – Je n'avais jamais confiance a eux! Mein Kind, aber so viel nachts zu essen schadet!⁴⁰

Сделав вид, что не слышит слов мадмуазель, Полина резво взбежала по лестнице, прошла в комнату – и разочарованно поставила припасы на туалетный столик. Славко в спальне не было, как не было его и в ванной комнате. Куда же он делся? Решил, что лучше уйти? Или не поверил ее искренним намерениям и, испугавшись предательства, сгинул в ночи?

Хлопнула створка окна, Полина увидела Славко, который взобрался на второй этаж по вьющемуся плющу. В руке молодой человек держал крошечный букет мокрых цветов: темно-синих колокольчиков и белых ромашек. Он протянул его Полине.

– Какая прелесть! – не удержалась она от восклицания. – И приступайте к ужину, я принесла кое-что из еды!

Она наблюдала за Славко, который с жадностью накинудся на мясо. С набитым ртом он пояснил:

– Я сегодня не держал во рту и крошки, был уверен, что меня растерзает толпа сразу после того, как я застрелю Павла. А надо же, никто не бросился защищать богопомазанного монарха. Он всем безразличен! Это значит, что мы на верном пути, даже трутни светского общества отворачиваются от тирана!

– Это значит, что каждый заботится в первую очередь о своей жизни, – произнесла Полина, чувствуя, что ей доставляет наслаждение следить за тем, как этот милый убийца поглощает шницель и ветчину. – Люди неисправимы. Но задержись вы еще на двадцать секунд, они бы разорвали вас в клочья! Они страшатся не смерти короля, а того, что вы лишите их самих богатств и привилегий! А за свою жизнь они готовы бороться до последнего!

---

⁴⁰ Ох уж мне эти китайцы... Никогда им не доверяла! Но, деточка, есть так много на ночь вредно! (англ., фр., нем.)

XXII

Ночь Полина провела беспокойно. Сначала ее мучили кошмары, а под утро потянуло холодом. Проснувшись, она обнаружила, что Славко исчез. Ах нет, она обнаружила записку: «Мне надо узнать, что произошло с товарищами».

– Как неосмотрительно! – пробормотала Полина. Она спустилась к завтраку.

– Доброе утро, – сказал ей Лев Константинович. – Полин, тебе посчастливилось присутствовать при историческом событии – убийстве герцословацкого короля! Эту смерть сравнивают с покушением на эрцгерцога в Сараеве. Похоже, этим летом весь мир сошел с ума!

Во время завтрака, услышав трель телефонного аппарата, Полина почему-то решила, что звонит Славко. На самом деле это был Платоша, который сообщал, что им с отцом понадобилось уехать на несколько дней в Париж, чтобы завершить бракоразводное дело, над которым работал Валериан Платонович.

Узнав, что молодой Крещинский на время покидает Варжовцы, Полина подумала, что это к лучшему. Ей вдруг пришло в голову, что Платоша ее больше совершенно не занимает. Она вспомнила его трусливое поведение на королевском приеме.

Затем она подумала, что она ответила Платону согласием и скоро станет его законной женой. Любит ли она Платошу?.. Наверное, все же да. Но тогда почему сомневается в своих чувствах и не знает, что делать дальше?

Поднявшись обратно в комнату, она ожидала найти там Славко и была безмерно огорчена, что этого не произошло. Сказав всем, что неважно себя чувствует и нуждается в отдыхе после роковых событий намедни, Полина заперлась в спальне, то и дело посматривая на окно.

Когда же хлопнет створка и она увидит молодого цареубийцу? Боже, если бы ей кто-то еще месяц назад сказал, что она, Полина Новицких, приютит у себя человека, хладнокровно застрелившего короля небольшой страны Герцословакии, и, более того, будет ждать появления этого убийцы с великим нетерпением, она бы сочла это выдумкой самого дурного сорта. Но ведь это так и есть!

Внезапно Полина подумала – а не влюбилась ли она в этого Славко Трбоевича? Нет, нет, как можно! Она любит Платошу, несмотря на то что Крещинский предстал перед ней в жалком и непрезентабельном виде маменькиного сынка и труса.

Наконец ближе к вечеру Полина увидела Славко, который спрыгнул с подоконника на пол комнаты. Фрак исчез, уступив место полотняному белому костюму и шляпе.

– Где вы были? – произнесла Полина в отчаянии. – Я уже думала, что вас арестовала полиция!

Славко усмехнулся:

– Так почти и было, но мне удалось уйти от ищеек. Мне повезло, что я одолжил одежду у вашего батюшки.

Полина присмотрелась и поняла, что костюм и шляпа в самом деле из гардероба Льва Константиновича. Она гневно воскликнула:

– Что вы себе позволяете? Вы спускались на первый этаж и шарили в шкафах!

Трбоевич виновато уставился на нее и заметил:

– Мне требовалась новая одежда!

– Ну хорошо, – успокоилась Полина. – Так расскажите мне, где вы были!

Славко помрачнел и ответил:

– Я пытался узнать, что произошло с моими товарищами и нашей организацией. Она называется «Свободная Герцословакия». Увы, шпики и полиция работают отлично, вчера вечером и сегодня ночью прошли массовые аресты и обыски. Почти все мои друзья оказались в тюрьме. И вот, смотрите, что я нашел!

Он вытащил из кармана смятый плакатик. Развернув его, Полина увидела лицо Славко и надпись аршинными буквами: «Государственный преступник номер один! За убийцу короля Павла назначена награда в 50 000 золотом! Славко Трбоевич, отщепенец и уголовник, разыскивается для предания суду. Каждый, кто видел убийцу короля, обязан сообщить об этом полиции. Пособники Трбоевича будут рассматриваться как соучастники убийства и понесут самое суровое наказание».

– Видимо, кто-то из моих соратников, не выдержав допросов и пыток, выдал мое имя, – произнес Славко. – Фотография имелась в полицейских архивах, меня ведь уже арестовывали за распространение запрещенной литературы. Теперь я стал *bête noire*⁴¹.

Полина снова и снова читала зловещие строчки. Теперь она не сомневалась – власти хотят поймать Славко с единственной целью – казнить. А она, получается, его пособница и тоже подлежит самому суровому наказанию. Полина была почему-то уверена: если королева-регентша, «добрейшая» Милица, узнает, где укрывается государственный преступник номер один, то велит запереть ее, Полину, в тюрьму до конца дней или пошлет на эшафот.

– Такие, – Славко указал на плакат, – расклеены сотнями по всему городу. Уверен, что и по всей стране. Самое ужасное, что и мои родственники будут помогать следствию изо всех сил. Еще бы, для семьи я давно превратился в изгоя и бандита.

Полина произнесла:

– И что ж делать? Ведь они схватят вас!

– Схватят, – произнес равнодушно Славко. – Теперь это вопрос времени. Если не сегодня, так завтра или на будущей неделе.

Полина ударила кулачком по кровати и крикнула:

– Как вы можете так рассуждать! Я ничего не понимаю в политике и не могу себе представить, каковы идеалы вашей организации, которую принято в газетах называть «террористической». Однако вы ведете себя как слабак! Раз вы имели мужество стрелять в короля, то сдаваться после всего полиции – верх глупости! Вас не пощадят! Нет, надо что-то придумать!

Славко ничего не ответил. Полина мучительно размышляла, а затем сказала:

– Конечно же, ведь это так просто! Вам надо скрыться за границу! Вы должны бежать из страны!

– Но куда? – спросил Славко. – И как? Граница на замке, они на то и рассчитывают, что я попытаюсь скрыться.

– Вы же живете в этой стране, а не я! – сказала Полина. – Вы и должны знать, как и куда вы можете скрыться! Ну думайте же!

Поразмыслив, Славко изрек:

– Пожалуй, единственный выход, который я вижу, – это удрать по морю. Рискованное предприятие, но по-иному я не смогу уйти.

– Великолечно, значит, вы должны нанять лодку! – заявила Полина. – И чем раньше, тем лучше!

Последние слова дались ей тяжело. Она представила, что Славко навсегда исчезнет из ее жизни, и в груди защемило. Так в чем же дело? Она знает этого человека всего лишь сутки, а уже такое ощущение, как будто... Как будто она его любит! Нет, это все выдумки. У нее имеется жених – Платоша Крешинский, а Славко... Она поможет ему из человеколюбия. Хотя тем самым станет пособницей царевубийства.

– Для этого понадобятся деньги и удача, – сказал Славко. – Рыбаки на побережье издавна занимаются контрабандой, но, чтобы они взялись переправить человека в Италию, им надо хорошо заплатить.

---

⁴¹ Предмет всеобщей ненависти; дословно: черный зверь (*фр.*).

Полина подбежала к столику, вынула шкатулку, открыла ее. Всего несколько ассигнаций – все, что осталось после покупки платья в столице. Подумав, она сказала:

– Подождите меня здесь. И не смейте исчезать!

XXIII

Она выскользнула из спальни, прокралась в кабинет отца. Его портмоне, как обычно, лежало в ящике письменного стола. Льву Константиновичу удалось уговорить супругу посетить новомодного французского доктора, родители отправились к нему на прием. Полина отсчитала довольно крупную сумму. За этим занятием ее едва не застала мадам Шнайдер.

– *Ma chère, what are you doing here?*⁴² – спросила мадмуазель Шнайдер, явно что-то подозревая. Полина швырнула портмоне в ящик со стола, скомкала банкноты и произнесла:

– Я искала... книгу. Новейший роман французского автора... Marcel Proust, «*Du côté de chez Swann*» из цикла «*A la recherche de temps perdu*»⁴³. Видимо, папа взял его к себе в комнату.

Плохо обманывать, но ничего иного ей не оставалось. Она вернулась к себе в спальню. Славко сидел на кровати.

– Вот. – Полина выложила перед ним мятые ассигнации. – Этого хватит?

– Думаю, что да, – ответил Трбоевич. Затем, внимательно посмотрев на Полину, тихо добавил: – Я вам очень благодарен. Вы хотите спасти меня, рискуя собственной репутацией, свободой и, возможно, жизнью.

Полина залилась краской смущения. Никто и никогда не говорил ей подобных слов. Славко в нерешительности продолжил:

– Если вы хотите, чтобы я бежал за границу, то медлить нельзя. Это нужно сделать сегодня!

– Сегодня? – разочарованно произнесла Полина. – Уже так скоро?

– Да, сегодня, – произнес печально Славко. – Недалеко от Варжовцов расположена рыбацкая деревушка, я пойду туда и заплачу одному из рыбаков, который выходит в море ночью. Он возьмет меня с собой. Прощайте! И спасибо за все!

Он приблизился к Полине и поцеловал ей руку. Затем, поддавшись внезапному импульсу, поцеловал ее в щеку. Девушка громко вздохнула и ответила:

– Я никуда вас не отпущу! Вы же только что сказали, что вас едва не арестовали. Полиция наверняка повсюду рыщет, и, несмотря на смену наряда, вы все еще узнаваемы. Подождите!

Она снова покинула спальню и проникла в комнату мадмуазель Шнайдер. В камерке гувернантки царил идеальный порядок. Полина распахнула дверцу шкапа и вытащила небольшой чемоданчик. *Mademoiselle* была страстной поклонницей театра и даже сама участвовала в любительских постановках. Поэтому-то она и взяла на курорт свои гримерные принадлежности.

– Вот, смотрите. – Полина разложила перед Славко разноцветные тюбики, кисточки и прочие атрибуты театрального набора. – Садитесь перед зеркалом, мы изменим вам внешность!

Полина думала о том поцелуе, который подарил ей Славко. Что это было – дерзкий поступок молодого революционера, искренняя благодарность или... Или что-то иное?

Через полчаса Славко превратился в солидного господина лет тридцати пяти (хотя в действительности Трбоевичу было двадцать) с черными висячими усами, волосатой родинкой на щеке и рыжими волосами.

– Таким вас точно не узнают, – сказала Полина. – Но не думайте, что я отпущу вас одного! Если вы отправитесь в одиночку, то возбудите подозрения полиции, которые наверняка проверят всех подозрительных господ. А если вы будете с молодой дамой...

– Но тогда вам придется выбираться через окно, – заметил Славко.

---

⁴² Моя дорогая, что вы здесь делаете? (*фр., англ.*)

⁴³ Марсель Пруст «По направлению к Свану» из цикла «В поисках утраченного времени» (*фр.*).

Полина кивнула: никто не разрешит ей на ночь глядя покинуть дом. А так для всех она находится в своем будуаре, приходя в себя после страшных событий вчерашнего дня. Перебраться через забор было сложнее, поэтому Полина указала на потайную, скрытую в стене калитку. Они вышли на улицу.

В переулке было тихо. Взяв Славко под руку, Полина почувствовала себя разбойницей. Еще бы, кто бы мог представить, что ей доведется способствовать бегству государственного преступника!

Они оказались на освещенной центральной улице Варжовцов, наняли извозчика. Полина притворилась француженкой, которая желает посмотреть на «простую крестьянскую жизнь».

Повозка направилась за город. Белокаменные виллы и иллюминированные казино уступили место лачугам и хибарам. Полина мало что знала о жизни низов. Воспитанная и выросшая в богатой буржуазной семье, она искренне полагала, что и все остальные живут так же, как и она сама. Бедность и отчаяние, которые царили в деревне, внушали девушке страх. Мощеная дорога уступила место размокшей глинистой тропинке.

– Чтобы такое навсегда исчезло с лица земли, мы и боремся с существующим строем, – по-французски произнес Славко.

Извозчик отказался ехать дальше.

– Воля ваша, господа хорошие, – сказал он, – но в деревню я не поеду. Там живет сплошное ворье и бедняки. Нападут на меня, отнимут лошадь и повозку – и что мне тогда делать?

Пришлось отпустить извозчика обратно в город. Темное небо, усыпанное звездами, раскинулось над Полиной и Славко. Жители деревушки бросали на нарядно одетых пришельцев из другого мира странные взгляды. Славко подошел к старику, который сидел на пороге своего дома и при свете лучины чинил сеть.

Коротко переговорив с ним, он вернулся к Полине.

– Он назвал мне имя человека, который за деньги переправит за границу даже черта.

Контрабандист обитал в ладной хате; хозяин – полный башибузук со свирепым выражением лица – встретил их на пороге, словно уже зная о причине визита. Началась громкая торговля. Наконец Славко и контрабандист ударили по рукам.

– Он посадит меня в свою лодку и переправит в Италию, – произнес Славко. – Он выходит в море в полночь.

Они снова оказались на улочках деревушки. Внезапно до слуха Полины донеслась зажигательная музыка и задорные крики. Они вышли на окраину поселения и увидели цыганские шатры, раскинувшиеся около самой воды.

XXIV

Цыгане устроили представление, зазывая к себе на праздник жителей рыбацкого хутора. Полине стало до крайности любопытно. Однажды в Петербурге она долго упрашивала отца, чтобы тот разрешил ей посетить цирк шапито, но Лев Константинович запретил, сказав, что это заведение не для благородной девушки.

Несмотря на траур, объявленный по королю Павлу, цыгане вовсю что-то праздновали. Молодые люди оказались на узких проулках, которые змеились между палаток и шатров. Пищали скрипки, кто-то выводил чудную завораживающую мелодию.

– Вот это да! – Полина заметила гигантского роста человека, который под восторженные крики зрителей выдувал изо рта оранжевые языки пламени. Чуть дальше находился шпаго-глутатель и «чудо жрецов Месопотамии» – волосатая женщина. Дама с пышной грудью была покрыта шерстью, походя на медведя-гризли.

Тут же были жонглеры, канатоходцы и дрессированные волки. Полина чувствовала, что от обилия впечатлений у нее кружится голова. Диковинная музыка, запахи – отталкивающие и сладостные, крики, вопли зрителей, сверкающие огни – все это дурманило ее сознание и создавало впечатление красочного сна.

Они обошли цыганскую ярмарку. Полина видела, как Славко посматривает на часы. Он считал время до бегства. Ей стало грустно.

– Кто это? – спросила Полина, указывая на странного субъекта.

Горбатый цыган с черными волосами и лицом, изборозженным морщинами, стоял поодаль, крутя ручку старинной шарманки. Из ящика доносилась ария давно забытой оперы. На плече у цыгана сидел разноцветный нахохлившийся попугай, лапка которого была прикована цепью к музыкальному ларцу.

– Он предсказывает судьбу, – сказал Славко с усмешкой. – Еще один способ выманить у доверчивых людей деньги!

Едва только он произнес это, раздался каркающий голос цыгана. К изумлению Полины, он говорил по-русски, хотя и с непонятным акцентом.

– Ты хочешь узнать свою судьбу? О, я вижу, что ты очень хочешь узнать свое будущее! Это твой единственный шанс! Не упusti его, Полина!

– Откуда он знает, как меня зовут? – спросила Полина, испугавшись.

Славко заявил:

– Наверняка слышал, как я обращался к тебе, а теперь старается изобразить из себя всезнающего мудреца.

– Ты мне не веришь! – произнес цыган, странно улыбаясь. В отблеске ярмарочных огней старик походил на чародея-волшебника.

Полина медленно подошла к нему. Попугай, увидев девушку, соскочил с плеча цыгана на крышку шарманки. Девушка заметила, что к боку шарманки прикреплен прозрачный барабан, в котором находились свернутые трубочкой бумажки.

Цыган был стар, как семь смертных грехов. Ему не меньше ста лет, подумала Полина. Усмехнувшись, старик обнажил на удивление крепкие желтые зубы и произнес:

– Я был уже стар, когда Рим – еще молод. Я пережил Всемирный потоп и путешествовал с Моисеем.

– Глупости, – отрезал Славко. – Полина, разве ты не видишь, что это дешевый трюк алчного бродяжки? Он хочет, чтобы ты купила у него бумажку якобы с предсказанием твоей судьбы. Это все мракoбесие! Судьбы не существует, каждый – кузнец своего счастья!

– Ты уверен в этом? – вкрадчиво сказал цыган. – О да, я вижу по твоему лицу гордеца и честолюбца, что ты веришь в то, что сказал! – Старик присмотрелся к Славко, а затем изрек: – Ради осуществления задуманного ты пошел на убийство. Тебя ищут, ищут...

Полина онемела. Откуда старик в курсе, что Славко убил короля Павла, а теперь на него объявлена охота? Он не мог узнать молодого человека, тот был загримирован.

– Полина! – Славко отшатнулся от старика, как будто тот ударил его в лицо. – Если хочешь, развлекайся с этим полоумным, а я не желаю слушать его бредни!

Славко отошел в сторону, цыган расхохотался, а попугай расправил крылья и стал быстро-быстро тараторить что-то на непонятном языке.

– Он испугался меня, – сказал старик. – О, я вижу, что он на самом деле боится судьбы, хотя и делает вид, что не верит в ее власть. А ты, Полина, хочешь ли узнать, что тебя ждет?

Лев Константинович всегда говорил, что человек сам определяет свою судьбу, что не мешало Полине с подругами гадать на картах. Но то были детские шалости, а старик-цыган... Она ему верила!

XXV

Ярмарочный гул стих, словно все пропало; девушка видела перед собой только старика-горбуна и его попугая. Шарманка все играла и играла, несмотря на то что цыган давно не крутил ручку.

– Что ждет меня? – прошептала Полина, чувствуя леденящий холод, который внезапно обдал ей лицо. Как будто она перенеслась в иной мир, в иное измерение...

Старик издал странный звук, то ли цоканье, то ли пощелкивание языком. Попугай, склонив набок голову с глазами-бусинками, вдруг завопил:

– Schicksal, Schicksal, Schicksal!⁴⁴

Вместо бравурной легкой музыки из ящика (или откуда-то сверху) полилась органная музыка, нечто напоминающее сочинения Баха или Генделя. Полина обернулась. Ярмарка исчезла, ее обступил непонятный серый туман, который внезапно поглотил все вокруг. Только она и цыган!

Попугай пробежался по краю шарманки несколько раз туда и обратно, крича на различных языках одно и то же слово: «Судьба!»

Затем птица вскочила на стеклянный барабан, ловко привела его в движение когтистыми лапками, Полине показалось, что барабан крутится с невероятной скоростью. Наконец он остановился, цыган отодвинул прозрачную задвижку.

Клюв попугая вытащил одну из свернутых в трубочку записок. Цыган развернул ее, прочитал, покачал головой и сказал:

– Я так и думал. Ты из той редкой породы людей, которые сами могут решать, что уготовит им судьба. Да, да, я вижу, что у тебя есть две возможности: или забыть все, что было, и жить, как прежде, или выбрать новое! Но если ты выберешь новое, то тебя ожидает много опасностей и горестей.

Он показал Полине бумажку, на которой острыми готическими буквами (да еще красными чернилами, хотя в тот момент девушка была уверена, что на самом деле это кровь) было выведено: «Теряя, мы обретаем».

– Теряя, мы обретаем? – повторила Полина и беспомощно взглянула на цыгана. – Но что это значит?

Тот расхохотался, и Полине почудилось, что во рту у него мелькнул раздвоенный змеиный язык.

– Ты хочешь сразу узнать, что это означает, Полина? О, чтобы понять это, тебе придется пройти долгий, очень долгий путь. И найти покой ты сможешь только тогда, когда поймешь: теряя, мы обретаем! Ты хочешь найти настоящую любовь, любовь, которая сжигает тебя изнутри и полностью лишает разума?

– Да, – произнесла Полина. Она почему-то подумала о Платоше. Она ведь тоже любит его, но разве... Разве это и есть любовь, о которой ведет речь этот странный горбун с попугаем?

– И ты найдешь ее! – Голос цыгана разрастался, казалось, что он заполняет собой всю Вселенную. – Точнее, она уже нашла тебя! Но за эту любовь ты должна платить! Судьба – капризная особа, она всегда требует за свои подарки высокую цену. Теряя, мы обретаем! Запомни это! Твоя жизнь изменится, и произойдет это скоро! Теряя, мы обретаем! Ты будешь терять, но и будешь обретать. И только когда смысл этой фразы дойдет до тебя полностью, ты станешь счастливой! Запомни это!

Попугай стал подпрыгивать и что-то кричать, его пронзительно-хриплый голос бил по ушам, Полина закрыла на мгновение глаза и...

---

⁴⁴ Судьба! Судьба! Судьба! (нем.)

XXVI

...и оказалась на ярмарке. Вокруг вопили зрители, сверкали всполохи огня, слышалась завораживающая музыка. Туман отступил, цыган стоял перед ней и крутил ручку шарманки, попугай сидел у него на плече и, казалось, спал, хотя один глаз птицы был приоткрыт.

– Что это было: сон, галлюцинация или реальность? – спросила Полина.

Цыган, ухмыльнувшись, ответил:

– Тебе лучше знать, Полина, тебе лучше знать! Ты сказала «да», и твоя судьба бесповоротно изменилась. Теперь осталось ждать немного, совсем немного! Теряя, мы обретаем!

ЛеонтьевПолина прошептала:

– Скажите, что ждет меня и Славко? Прошу вас!

– Ты его любишь! – провозгласил старик, и это был не вопрос, а утверждение. Попугай снова вскочил на барабан и вытащил из него еще одну записку.

Полина торопливо развернула ее. Что бы это могло значить? «12».

– Двенадцать? – пробормотала она. – Как это понимать? Двенадцать лет? Двенадцатое число? Или что-то еще?

– Теряя, мы обретаем, – пророкотал старик. – Не требуй от судьбы, чтобы она раскрывала тебе сразу все свои секреты. Когда настанет момент, ты все поймешь! Умей ждать, хотя ждать осталось недолго!

– Полина! – услышала она голос Славко и обернулась. Он стоял перед ней. – Нам пора. Уже без четверти полночь.

– Двенадцать! Вот что имел в виду старик! – проговорила девушка. Она повернулась к цыгану, чтобы спросить, права ли она в своем предположении, но старик исчез.

Он только что был здесь, в двух шагах от нее, а теперь там никого не было. Горбун-шарманщик с попугаем сгинул. Полина оглянулась по сторонам. Он не мог сбежать, ему бы не хватило времени. Но куда же он делся?

– Теряя, мы обретаем! – раздалось карканье, похожее на голос попугая. – Двенадцать, двенадцать, двенадцать... Надейся и жди!

– Ну что, твой друг-шарлатан ретировался, как я смотрю, – произнес насмешливо Славко. Затем он добавил серьезным тоном: – Полина... Нам пора!

Но девушка была уверена, что Славко хотел сказать ей что-то иное. Они оказались на побережье, где их уже ждал контрабандист-башибузук. Славко отсчитал ассигнации, увалень спрятал их за пазуху и велел ему садиться в лодку.

Славко взял ладонь Полины в свои руки. По ее телу пробежала электрическая искра.

– Полина, я повторю только то, что уже говорил: я тебя люблю!

Его голос звучал хрипло. Полина, чувствуя, что ее сердечко бьется как бешеное, ответила:

– Славко, и я тебя тоже! Боже, я хочу уехать с тобой!

Трбоевич отрицательно покачал головой:

– Не сейчас! Это слишком опасно, я даже не знаю, удастся ли мне прорваться за кордон. Но обещаю – я вернусь к тебе. Через месяц ты обязательно получишь от меня весточку!

Слезы побежали по щекам Полины, она поняла, что любит – и вовсе не этого глупого Платошу Крещинского, а Славко. Того самого Славко, который застрелил короля Павла и которому она помогла бежать. Да, она его любит!

Славко нежно прикоснулся губами к ее губам.

– Я люблю тебя, Полина, и никогда тебя не брошу!

– О Славко! – Полина зарыдала. Трбоевич обнял ее, снова поцеловал и направился к лодке. Спустя минуту шаланда отвалила от берега. Луна серебрила спокойное море, лодка скользила к горизонту, а Полина беззвучно глотала слезы.

Наконец темнота поглотила все. Девушка побрела обратно в деревушку. До ее уха донеслись крики, свистки и ругань. Она заметила бегущих полицейских.

– Арестовать всех! – орал толстый усатый полицейский, размахивая саблей. – Государыней-регентшей по всей Герцословакии объявлен недельный траур, запрещены всяческие увеселения и развлечения. А эти бродяги посмели веселиться накануне погребения нашего славного короля! Арестовать всех!

Полина побежала в сторону Варжовцов. Мимо нее сновали испуганные жители деревушки, цыгане, за которыми гнались полицейские. Внезапно огромные языки пламени взметнулись над одним из шатров, а затем в течение нескольких минут охватили всю ярмарку. Кто-то случайно или намеренно опрокинул лампу или факел, и теперь все шатры горели.

Девушка приземлилась в грязь, на одежду ей падали бело-черные хлопья сажи.

– Вставай, оборванка! – произнес в бешенстве полицейский, ударив ее ногой. – Ты арестована! Отправим тебя в каталажку, где тебе самое место.

Полина пыталась что-то объяснить, но полицейский не желал ничего слышать. Грубо схватив Полину за плечо, он поволок девушку к тюремным автомобилям и повозкам.

XXVII

Она добилась того, чтобы ее, подданную Российской империи, выпустили из грязной камеры, которую она делила с несколькими проститутками, бандитками и цыганками. Шеф полицейского участка внял просьбам и позвонил на виллу «Золотистые тополя».

За дочерью явился встревоженный и постаревший Лев Константинович в сопровождении тети Лиззи и мадмуазель Шнайдер. Новицких сумел убедить одутловатого полковника (в первую очередь при помощи взятки), что Полина оказалась на цыганской ярмарке совершенно случайно.

– Я вам верю, сударыня, – провозгласил в итоге полицейский. – Но впредь не советую по ночам прогуливаться в подобных местах. Это может стоить вам жизни!

Домой ехали в полном молчании, только мадмуазель Шнайдер кудахтала на всех языках и стенала по поводу того, что Полина провела ночь в полицейском участке.

– Обещай мне, что такое сумасбродное поведение больше не повторится! – резко сказал отец, когда они приехали на виллу. Полина расплакалась, обняла его и пообещала, что никогда-никогда...

– Марш в ванну! – приказала тетя Лиззи. От Полины не укрылось, что и тетка и отец чем-то расстроены. Неужели они все еще не могут прийти в себя после звонка из полицейского участка с новостью о том, что Полина сидит в кутузке?

Полина приняла ванну, смыв с себя грязь и запах тюрьмы. Она все обдумала – сейчас же выложит отцу, что не намерена выходить замуж за Платошу. Рара поймет, он не станет неволить ее. Она любит Славко, он обещал вернуться. И они пожениются! Конечно, не в Герцословакии, а в Петербурге или где-то еще!

Она спустилась к позднему завтраку в столовую. Отец о чем-то беседовал с тетей Лиззи и невысоким господином с острой седой бородкой, облаченным в темный костюм.

– Рара, мне надо кое-что сказать вам, – набравшись мужества, произнесла Полина.

Тетя Лиззи потрепала племянницу по руке и ласково ответила:

– Конечно, Полин, но сначала мы хотим, чтобы ты выслушала то, что скажет доктор Дюбуа.

К доктору Дюбуа вчера ездили рара и мапан, вспомнила Полина.

– Что-то случилось? – произнесла она. Только сейчас она поняла, что тревога на лицах отца и тетки – это тревога не за нее, неразумную глупую девчонку, а за Ксению Теодоровну.

Доктор опустил глаза и кашлянул. Тетя Лиззи отвела взгляд, а отец неловким жестом вытащил клетчатый носовой платок и шумно высморкался. Полина заметила, что его глаза подозрительно красны.

– Папа, тетя, в чем дело, кто-нибудь в состоянии мне объяснить, что происходит! – воскликнула Полина. – И где мама, почему она не с нами?

– Мадмуазель, – сказал доктор Дюбуа. – Вынужден сообщить вам, что ваша матушка, мадам Новицких, уже несколько часов находится в больнице...

– Что произошло? – выдохнула Полина, полная дурных предчувствий. – Что с мамой? Ведь у нее никогда не было ничего серьезного?

– Мы тоже так полагали, – продолжил доктор ласково-бодрым голосом, от которого у Полины перехватило дыхание. – Я считал, что мадам Новицких представляет собой невропатический тип, склонный к ипохондрии и меланхолии. Однако после вчерашнего детального осмотра...

Он замолчал, и Полина, чувствуя, что в ушах у нее звенит, закричала, пренебрегая всеми приличиями:

– Так что, доктор, что с ней?

– Милая моя! – Тетя Лиззи снова потрепала ее по руке. – Все будет в полном порядке, ведь так, доктор?

Медик ничего не ответил. Затем он добавил:

– У мадам Новицких обнаружена опухоль в правом легком. Этим и объясняются ее боли и жалобы на здоровье. Увы, это не были выдумки капризной дамы.

– Это опасно? – спросила Полина, понимая, что, если бы опухоль не представляла опасности, никто бы не беседовал с ней таким образом.

– Я не специалист в области онкологии, мадмуазель, – сказал доктор Дюбуа. – Ваша матушка находится на попечении лучших местных врачей. Однако опухоль достаточно большая и вряд ли может быть извлечена оперативным путем. Кроме того...

Он взглянул на Льва Константиновича, и тот кивнул головой.

– Кроме того, опухоль проросла в соседние ткани и органы, что очень плохо. Я не могу делать прогноз на будущее. Судя по всему, это запущенная стадия. Если бы мадам Новицких предстала перед глазами специалистов раньше...

Полина в ужасе посмотрела на тетю Лиззи. О чем говорит доктор?

– Полина, тебе надо поехать в hospital⁴⁵, – распорядился отец. – Мама хочет видеть тебя!

– Но как же так! – закричала девушка. – Папа, ведь мы все были уверены, что мама хандрит! И вдруг выясняется, что у нее рак!⁴⁶ Но почему, боже мой, почему?

Внезапно она вспомнила фразу, которую слышала от цыгана прошлой ночью: «Теряя, мы обретаем». Но значит ли это, что предсказания начали сбываться? И значит ли это, что мама...

Полина не хотела и думать об этом. Быстро собравшись, она отправилась с отцом в госпиталь Варжовцов.

---

⁴⁵ Больницу (англ.).

⁴⁶ Рак (англ.).

XXVIII

Больница – небольшое уютное здание в классическом стиле с колоннами – походила на второразрядный отель. С замиранием сердца девушка прошла в палату, где лежала Ксения Теодоровна. Мать разительно изменилась: взгляд потух, кожа, казалось, пожелтела и обтягивала скулы, как пергамент.

– Мама! – воскликнула Полина, бросаясь к кровати.

Ксения Теодоровна встретила ее слабой и вымученной улыбкой. Осознание того, что она больна в самом деле, и больна неизлечимо, изменило характер мадам Новицких: исчезла суетливость, она больше не жаловалась на боли, пропали мнительность и раздражительность.

– Полин, – произнесла женщина. – Как я рада видеть тебя! Я очень беспокоилась, очень беспокоилась...

Полина, несмотря на запрет докторов и отца, расплакалась. Ксения Теодоровна, глядя дочку по спине, тихо сказала:

– Полин, слезами горю не поможешь. Тебе придется привыкать к тому, что вы с отцом останетесь одни. Ты и так скоро выйдешь замуж... У вас все будет хорошо!

– Но «мама»! – произнесла Полина. – Почему ты говоришь так, как будто надежды не существует? Ведь доктора...

Ксения Теодоровна махнула рукой и проговорила:

– Теперь я понимаю, какой обузой была для вас. Я закатывала истерики из-за малейшего приступа, по большей части, мною же и выдуманного. О, Полин, я не боюсь смерти! Когда ее нет, есть мы, а когда есть она, то нет нас.

Полина снова разрыдалась, и Ксения Теодоровна принялась успокаивать дочь. Вечером, после еще одного детального осмотра, состоялся консилиум врачей. Вердикт был неутешительным – Ксения Теодоровна была обречена, ей оставалось жить не более трех-четырёх недель.

Лев Константинович, полностью сбитый с толку такими страшными перспективами, немедленно связался с известными европейскими специалистами. Через три дня в Варжовцы прибыл профессор Нейман из Вены и профессор Шуленбург из Дании. Однако и эти два корифея, считавшиеся богами в области онкологии, только подтвердили выводы своих местных коллег.

Курорт превратился в ловушку, от него повеяло близостью могилы. Доктора рекомендовали не подвергать больную долгому и утомительному путешествию по железной дороге, да и сама Ксения Теодоровна, слабевшая на глазах, призналась, что не хочет покидать Варжовцы.

Полина не могла поверить – всего лишь несколько дней назад жизнь казалась такой размеренной и великолепной, и вот... На вилле «Золотистые тополя» воцарились пессимистические настроения. Новицких добился от врачей разрешения забрать жену из госпиталя. На больничном автомобиле ее с великой предосторожностью доставили в особняк.

– Надежды ведь нет? – прошептала Ксения Теодоровна. – О, Лев, только не надо праздных слов. Иначе бы меня и не выписали из госпиталя. Ведь так? Запомни – я хочу умереть на рассвете!

Полина старалась как можно больше времени проводить рядом с матерью. В спешном порядке из Парижа прибыл Платоша. Полина понимала, что сейчас не время – не время заявить во всеуслышание, что она не хочет выходить замуж за молодого Крещинского. Ксения Теодоровна, которая все больше времени проводила в наркотическом забытии (доза морфия увеличивалась с каждым днем), требовала, чтобы Полина и Платон сидели около ее кровати, при этом она фантазировала:

– Дети мои, я вижу... Вижу, что вас ожидает долгая и счастливая жизнь. Мне не дано присутствовать на вашей свадьбе и лицезреть своего первого внука, но что поделать... Вы же любите друг друга, и это так прекрасно!

Затем умирающая потребовала, чтобы Полина и Платоша взяли за руки и торжественно пообещали ей, что, став мужем и женой, никогда не будут ссориться и обманывать друг друга.

– Благословляю вас, дети мои, – прошептала Ксения Теодоровна. – А теперь мне нужно вздремнуть, я чувствую, что устала, устала, устала...

Дни, тянувшиеся бесконечно, складывались в недели, которые пролетали незаметно. Наконец настал момент, когда Ксения Теодоровна полностью погрузилась в искусственный сон, вызванный наркотическими препаратами. Доктора предупредили, что ей осталось совсем недолго.

– Она должна испытывать нестерпимые боли, – заметил венский профессор, – чтобы не допустить этого, мы и прибегаем к морфию. Однако мы достигли критической дозы – ее увеличение приведет к угнетению дыхательного центра и вызовет летальный исход!

Те дни Полина плохо помнила. Отец распорядился, чтобы она как можно больше времени проводила вне дома; вместе с Платошей они гуляли по набережной. О, когда-то – совсем недавно! – Платон признался ей в любви, и она, счастливая юная дурочка, была этому страшно рада. Когда-то – совсем недавно! – она увидела здесь впервые Славко. Когда-то – совсем недавно! – она проводила любимого на лодке в море.

Прошлое исчезло, будущего еще не было, она жила страшным настоящим. Отдыхающих в Варжовцах поубавилось, несмотря на то, что сезон был в самом разгаре.

– На днях французский президент Пуанкаре навестил государя в Петербурге. А вчера Австро-Венгрия предъявила Сербии ультиматум, – пояснил ей Платоша.

Полина, чтобы забыться, слушала его болтовню о политике, светские сплетни и размышления касаясь того, как они устроят свою совместную жизнь в Санкт-Петербурге.

– Сербия удовлетворила почти все пункты ультиматума, за исключением всего нескольких, в том числе – аннексия собственной территории войсками императора Франца-Иосифа. В Париже, где я был недавно с отцом, веют ветры войны, быстрой и победоносной. Франция хочет посчитаться с рейхом за унижительное поражение под Седаном и провозглашение Германской империи в Зеркальном зале Версаля. Габсбург разорвал официальные отношения с Сербией. И все из-за смерти эрцгерцога и его жены! Если за этим последует объявление войны, то Россия, а вместе с ней и связанные с нашей страной союзным пактом Британия и Франция тоже могут оказаться на грани вооруженного конфликта с Австро-Венгрией и ее ближайшей союзницей – Германией. Судачат, что именно честолюбивый немецкий кайзер толкает престарелого Франца-Иосифа, находящегося одной ногой в могиле, к новой европейской войне! Полин, я уверен, что если войне быть, то наши доблестные войска в два счета надают по шее обоим воинственным императорам и мы через пару недель окажемся в Берлине и Вене!

Отъезд некоторых отдыхающих объяснялся напряженной политической ситуацией, хотя еще многие считали, что кризис разрешится сам собой и нечего прерывать отпуск у Адриатики.

XXIX

Двадцать восьмого июля, как и ожидалось, Австро-Венгрия объявила войну Сербии, столица последней, Белград, подверглась артиллерийскому обстрелу. День спустя Россия начала мобилизацию в пограничных с Австрией регионах, а еще по прошествии суток была объявлена всеобщая мобилизация.

Полине все это было совершенно безразлично. Тридцать первого июля, ранним утром, когда рвано-сизая мгла еще окутывала Варжовцы, ее разбудил отец. Полина подскочила с кровати – она спала одетой – и произнесла:

– Папа?

Лев Константинович только и сказал:

– Иди за мной, Полин! Ты должна попрощаться с Ксенией!

В спальне матери собралось несколько врачей, в углу вытирала слезы кружевным платочком мадмуазель Шнайдер, тетя Лиззи держала за руку мадам Новицких. Полина поцеловала маму в лоб – та была уже несколько дней без сознания. Жизнь еле теплилась в ее теле.

– А теперь прошу всех удалиться! – сказал Лев Константинович. – Да, да, абсолютно всех!

Все вышли в коридор, тяжелая дверь захлопнулась, послышалось лязганье замка. С Новицких остался только доктор Шуленбург. Спустя несколько минут дверь раскрылась, на пороге появился умиротворенный Лев Константинович.

– Ксения только что скончалась, – сказал он.

Мадмуазель Шнайдер ахнула, Полина зарыдала. Тетя Лиззи прижала к себе племянницу и попыталась увести ее прочь. Но девушка вырвалась и, несмотря на то что отец отговаривал ее от этого, прошла в спальню.

Ксения Теодоровна с закрытыми глазами лежала на кровати. Доктор Шуленбург собирал свой саквояж. Полина заметила шприц на туалетном столике.

– Рара! – крикнула она. – Что здесь произошло? Почему вы велели нам выйти? Почему вы не разрешили нам присутствовать при... при этом? Почему мама умерла именно в те минуты, пока вы были наедине с ней?

Датский доктор, конфузясь, захлопнул саквояж из черной кожи, подошел к Полине и сказал:

– Мадмуазель, вам не стоит обвинять в чем-то своего отца. Он вел себя, как истинный джентльмен. Уверяю вас, так было лучше для вашей дорогой матушки. Я сделал то, что был обязан сделать, – облегчил страдания умирающей.

– Вы убили ее! – закричала Полина. – Шприц! Что вы ввели ей? Вы убийца! Рара, и как ты мог присутствовать при этом!

Лев Константинович попытался обнять дочь, но та вырвалась из его объятий. В спальню заглянула встревоженная тетя Лиззи.

– Полин, – сказал отец сурово. – Естественным путем все бы произошло сегодня вечером, однако избежать этого было нельзя. Доктор Шуленбург только сократил ненужные страдания. Я просил его об этом, и он пошел мне навстречу.

Полина снова заплакала, чувствуя, что ее предали и обманули. Она кинулась на грудь мертвой матери и зарыдала. Все остальные тихонько вышли из спальни. Полина не помнила, как долго длилось ее состояние, близкое к истерике, но настал момент, когда все слезы были выплаканы, а боль где-то в душе только разгоралась.

Она еще раз поцеловала Ксению Теодоровну, а затем вышла прочь. Принесла свои извинения доктору Шуленбургу, который заверил Полину, что все понимает.

– Мадмуазель, я уверен, что безнадежных больных, на чье выздоровление и исцеление надеяться уже невозможно, нельзя оставлять один на один со смертью. Всего лишь одна инъ-

екция морфия – и невыносимые для пациента страдания отступят прочь. Примите мои самые искренние соболезнования!

Похороны были назначены на третье августа. Полине было все равно, что в день смерти Ксении Теодоровны Германия потребовала от России прекратить всеобщую мобилизацию и, не получив ответа, первым августовским утром объявила войну.

В день погребения Ксении Теодоровны кайзер объявил войну Франции и Бельгии. Транспортное сообщение между Парижем и Варжовцами было временно прервано, поэтому гроб с телом мадам Новицких не мог отправиться в долгое путешествие в Петербург. Лев Константинович дал согласие на погребение жены в Варжовцах.

Отпевали Ксению Теодоровну в небольшой часовне Святого Лавра. Полина, находясь в тесном помещении, сверкающем золотом икон и риз, чувствовала, что еще немного – и она лишится сознания. Ее подхватил Платоша, когда девушка, внезапно побледнев, начала оседать на пол.

– Нет, я хочу быть и на кладбище! – сказала Полина и, несмотря на уговоры тети Лиззи и Платона, отправилась вслед за траурным кортежем. Солнце палило немилосердно, начинался август – самая жаркая пора на местном побережье.

Похороны состоялись в тесном узком кругу. К полудню на местном кладбище появилась еще одна плита с лаконичной надписью на русском языке: «Ксения Теодоровна Новицких, урожденная Кригерс. 9 января 1874 – 31 июля 1914».

Затем состоялись поминки, на которых мадмуазель Шнайдер стало плохо с сердцем, и Полина всерьез испугалась, что наставница ее покойной матушки отдаст богу душу вслед за Ксений Теодоровной. Однако все обошлось.

XXX

Вечером следующего дня, четвертого августа, Лев Константинович призвал к себе в кабинет Полину и Платона, который теперь неотлучно находился подле невесты. Девушка уже и не знала, как сказать ему, что свадьбы не будет. Но ведь этого хотела мама! И она дала ей обещание!

Лев Константинович, несмотря на трагические события минувших дней, был собран, подтянут и настроен весьма решительно.

– Вы, вероятно, еще не в курсе того, что Британия объявила сегодня войну Германии. Наша империя находится в состоянии вооруженного конфликта с рейхом и Австро-Венгрией с первого августа, военные действия уже начались.

– Что это означает, папа? – спросила Полина. Новицких пояснил:

– В первую очередь то, что мы не сможем пока выбраться из Варжовцов. Движение «Экспресса-Адриатик» приостановлено, и когда оно возобновиться, никто не знает.

– Я уверен, что война не продлится более месяца, – сказал беспечно Платоша. – Нам ничего не стоит разгромить немцев и австрияков!

– В отличие от вас, господин Крещинский, я не столь оптимистичен, – с горечью произнес Лев Константинович. – В моей памяти свежи еще настроения, с которыми Россия входила в японскую кампанию. Все были уверены, что мы в два счета разобьем «этих узкоглазых», и даже кое-кто из адмиралов смеялся, заявляя, что никакого флота у Страны восходящего солнца нет, а вместо крейсеров они используют чугунные утюги. И вообще мы их иконами закидаем! Закидали! А все закончилось катастрофой Цусимы и унижительным Портсмутским миром!

Помолчав, Новицких заявил:

– Герцословакия занимает пока что выжидательную позицию, однако ей не разрешат соблюдать нейтралитет. Королева-регентша Милица уверена, что ее страна – ключ к разрешению балканских проблем. Все усугубляется тем, что династия Любомировичей, с одной стороны, связана тесными родственными связями с немецкой аристократией, сама Милица провела юность в Берлине, однако, с другой стороны, православная Герцословакия исторически тяготеет к России и видит в ней свою старшую сестру и защитницу от тирании Австро-Венгрии.

Полина испуганно посмотрела на отца. Что он имеет в виду?

– И теперь все зависит от того, насколько проницательны ближайшие советники Милицы – ее малолетний сын, номинальный король страны, не в счет, все решения принимает она – регентша. Если Герцословакия поддержит Антант кордиль⁴⁷, или хотя бы будет блюсти нейтралитет, то это одно, а вот если чаша весов перевесит в пользу альянса с Тройственным союзом – Германией, Австро-Венгрией и Италией... Тогда нам, русским, придется туго! В этом случае я допускаю возможность того, что мы будем арестованы и интернированы!

---

⁴⁷ Entente cordial (*фр.*), дословно: «сердечное согласие» – военно-политический союз между Великобританией и Францией, заключенный в 1904 году, к которому позднее присоединилась и Россия.

XXXI

Пятого августа высочайший манифест, подписанный тринадцатилетним королем Каролом, а в действительности продиктованный его себялюбивой матерью, провозгласил вступление Герцословакии в войну на стороне Германии и Австро-Венгрии.

Эта новость вызвала шквал возмущения среди простого населения. В столице, как поступали сведения, начались волнения, и вместо ожидаемого подъема национального самосознания и массовых проявлений патриотизма начались стачки и забастовки.

Даже в Варжовцах стало беспокойно, со здания городской управы сняли красное знамя, а на набережной задержали группу молодых людей, которые желали прилюдно сжечь портрет королевы Милицы.

Лев Константинович запретил домашним покидать виллу. Затем, собравшись, он зашел в комнату к Полине и сказал:

– Я направляюсь в русское консульство. Хочу узнать, каким образом мы можем покинуть эту страну, если такое вообще возможно. Консул – мой школьный товарищ, Василий Игнатьевич Лорис-Меликов.

– Папа, я не отпущу тебя одного! – воскликнула Полина. – Прошу тебя, разреши мне сопровождать тебя!

– В городе беспокойно, – произнес Новицких. Но, видя, что сопротивление дочери сломить невозможно, разрешил ей поехать вместе с ним. На извозчике они добрались до центра Варжовцов. Почти все магазины и лавки были закрыты, на дверях многих из них были расклеены воззвания к низвержению правительства и королевы Милицы.

По улицам гарцевали конные полицейские, один из них остановил карету, в которой находились Полина и Лев Константинович. Рыжеусый дородный страж порядка, узнав, что перед ним находятся подданные Российской империи, отдал честь и произнес:

– Вообще-то проезд к зданиям консульств запрещен, но вас, русских, я пропущу!

Новицких оказались перед витой оградой русского консульства. Около него находилось несколько соотечественников, растерянных и не понимающих, как же им попасть на родину и где искать убежища. На продолжительные звонки никто не отвечал, окна были занавешены. Наконец, после получаса трезвона, подъездная дверь приоткрылась, показалось испуганное лицо одного из мелких чиновников.

– Мы не принимаем, – скороговоркой произнес он. – Дамы и господа, консульство закрыто! Прошу вас разойтись! Его превосходительство консул не может дать вам аудиенцию!

– Доложите господину консулу, что на улице его ожидают подданные Российской империи! – в бешенстве прокричал Новицких. – В том числе и я, Лева Новицких, тот самый Лева, который давал его высокопревосходительству списывать алгебру и химию!

Спустя несколько минут появился и сам консул Лорис-Меликов – господин с рыбьим лицом, небольшим брюшком и светлыми волосами, уже изрядно спереди пооблезшими. Близоруко осмотревшись, он вытащил очки, надел их, наконец заметил Льва Константиновича и тонким голосом засюсюкал:

– Ах, Лева! Как я рад видеть тебя! Макар, Макар, где ключи от ворот? Пропусти господина Новицких в консульство!

– Не только меня, – резко ответил отец Полины. Он указал на небольшую толпу: – Эти дамы и господа нуждаются в помощи и совете, как и я.

Лорис-Меликов всплеснул руками, забормотал что-то о том, что консульство закрыто для посетителей, однако в итоге пропустил всех страждущих в здание.

Внутри, как сразу поняла Полина, царила паника. Шмыгали служащие, шелестевшие бумагами, бегали горничные, укладывающие в заполненные соломой ящики вазы, книги и посуду.

– Вы собираетесь бежать? – спросил Новицких.

Консул развел руками и обиженно прошепелявил:

– Лева, пойми, что я подчиняюсь приказам Певческого моста и лично государя императора. Герцословацкое правительство уведомило нас о том, что мы объявлены персонами нон грата и в течение суток обязаны покинуть страну. Королева Милица сделала ставку на Германию.

– Что же делать нам! – простонала одна из русских дам. – Господин консул, вы бежите прочь, оставляя нас в стране, которая является союзницей врага России!

Василий Игнатьевич Лорис-Меликов тяжело вздохнул:

– По моим данным, покинуть Варжовцы сейчас невозможно. Железнодорожное сообщение с Францией, Бельгией и Голландией прервано. Похоже, остается только молиться!

Консул, взяв Новицких под руку, увлек своего школьного товарища к себе в кабинет. Полина проследовала за ними. На стене кабинета висел огромный, во весь рост, портрет Николая Второго в мантии, с короной на голове и регалиями в руках. Полина увидела выпотрошенный сейф, на столе, диване и даже на полу лежала масса бумаг. Жарко полыхал камин.

Лорис-Меликов бросил в камин пачку листов и заметил:

– Уничтожаем секретную переписку и дипломатические шифры. Я уверен, что на границе нас обыщут с пристрастием, несмотря на неприкосновенность.

Он предложил Льву Константиновичу коньяку, Новицких отказался.

– А вот я охотно выпью. – Консул налил себе из наполовину пустого пузатого хрустального графинчика. – Лева, у меня есть к тебе предложение...

Консул выразительно взглянул на Льва Константиновича и его дочку.

– Нам известно, что в ближайшие дни, возможно, даже часы Милица издаст указ об интернировании граждан враждебных государств, в первую очередь англичан, русских, французов и бельгийцев. Это значит, что тех, кому не повезет, отправят в своего рода закрытые поселения, где условия как в тюрьме. Эта участь, по всей видимости, ожидает и вас.

Василий Игнатьевич жадно опрокинул в себя стопку коньяку, крикнул и продолжил:

– В таком хаосе нельзя оставаться трезвым... Так вот, Лева, все это может закончиться очень плохо. Поэтому я предлагаю тебе и твоим домашним присоединиться к посольскому поезду, который направляется отсюда в Петербург без остановок. Вы будете в полной безопасности. Нас, может быть, обыщут, но пропустят!

– А что ожидает тех, кто не сможет уехать на посольском экспрессе? – задал вопрос Новицких.

Консул охотно пояснил:

– Лева, буду откровенен – ничего хорошего. Но зачем тебе ломать голову над судьбой других? Отсюда надо бежать как можно быстрее! Ах, зачем я принял назначение консулом в Герцословакию! Хотя совсем недавно это было самое идиллическое и тихое местечко в Европе!

Лев Константинович с такой силой ударил кулаком по столу, что Лорис-Меликов, поднесший к губам еще одну стопку с коньяком, взвизгнул и уронил ее на ковер.

– Василий Игнатьевич! – сказал Новицких презрительно. – Вы как были трусом в школе, когда прятались за мою спину от драчунов и списывали у меня верные ответы, так трусом и остались. Но сейчас вы – российский дипломат! И вы, как крыса, бежите прочь, оставляя своих же соотечественников на произвол судьбы. Что вы предлагаете мне, русскому дворянину? Воспользоваться шансом и удрать, опасаясь интернирования?

– Но, Лева... – начал консул.

Новицких грохнул кулаком еще раз и сказал:

– Для вас, милостивый государь, я – Лев Константинович! Если бы не мое органическое неприятие дуэлей, я бы немедленно вызвал вас на поединок. Повторю: вы – трус, который недостойн носить звание русского консула. И я постараюсь, чтобы об этом узнали все!

Новицких вышел из кабинета Лорис-Меликова. Полина последовала за отцом. Василий Игнатьевич семенил за ними, призывая их одуматься и не судить его строго:

– У меня жена и четверо детей, Лева! На моем иждивении престарелые родители и теща с тестем! И две тетушки! И двоюродная бабушка! И карликовые пудели!

XXXII

Лев Константинович и Полина покинули русское консульство. Натягивая перчатки, Новицких заметил:

– Я и не предполагал, что в такие моменты, когда стоит думать о других, каждый будет заботиться только о себе. *How disgraceful!*⁴⁸

Обстановка на улице тем временем изменилась. К соседним зданиям стекались толпы людей – среди них были и плохо одетые бедняки, виднелись пышные шляпки богатых дам и цилиндры состоятельных горожан.

– Там расположены немецкое и австро-венгерское консульства, – заметил Лев Константинович. – Кажется, жители Варжовцов, недовольные политикой королевы Милицы, решили взять на себя миссию по разгрому этих дипломатических представительств.

Его предположение подтвердилось. Полина видела, как за чугунной оградой немецкого консульства метались, дико гавкая, несколько собак. Народ тем временем прибывал и прибывал. Конная и пешая полиция пыталась рассечь толпу, но это им не удавалось.

– Улица, по которой мы пришли, запружена людьми и перегорожена, – сказал Новицких. – Другого выхода нет!

Они попытались двигаться против толпы, но это не удалось. Общая масса подмяла их под себя, развернула, Новицких вынужденно присоединился к разъяренным горожанам. Те требовали одного – забыть союз с Германией и Австро-Венгрией и выступить на стороне России и Франции. Толпа походила на цунами – колыхаясь, она налетала на здания консульств, затем снова откатывалась, чтобы набрать силу.

Нескольким смельчакам удалось взобраться на колонны ограждения, и венчавшие их каменные гарпии полетели во двор немецкого консульства. Раздались первые выстрелы – палили из окон консульства в толпу.

– Это подлинное безумие! – крикнул Лев Константинович Полине. Он крепко держал дочку за руку. – Необходимо выбраться, иначе нас просто задавят!

Тем временем находившиеся в первых рядах доломали ворота, которые с жалобным скрипом слетели с петель. Люди хлынули во двор немецкого консульства. До Полины донеслось жалобное потягивание собак – сотни взбешенных людей просто растоптали животных.

Кто-то затянул гимн Герцословакии, его подхватили практически все. Люди прорвались в здание немецкого консульства, лезли через двери, выдирали рамы, кто-то был на крыше и на балконе. Чиновники консульства с воплями пытались спастись от разъяренных варжовчан, однако это не всем удалось. На глазах у Новицких нескольких человек просто растерзали. Еще одного, пытавшегося удрать по крыше, спихнули вниз, и бедняга упал на острые пики чугунного ограждения.

Начались подлинная вакханалия и грабеж. Такая же участь постигла и австро-венгерское консульство. Кто-то пытался сопротивляться, стреляя по людям из пистолетов и обороняясь холодным оружием, но жертвы среди обезумевших только подстегивали толпу и ее кровавые инстинкты. На балкон здания выпихнули худого мужчину в разодранном костюме и визжащую даму практически в одном исподнем.

– Боже, это австро-венгерский консул Леопольд Сколка и его супруга! – прокричал Новицких. – Остановитесь, прошу вас! Они же ни в чем не виноваты! Они делают только то, что им приказывают! Ах, нет!

Несколько дюжих мужчин, схватив сопротивляющегося консула, как куклу, швырнули его с балкона вниз. Затем туда же полетела и его плачущая жена.

---

⁴⁸ Как недостойно! (англ.)

– Они сошли с ума, – произнес Новицких. – Полин, они сошли с ума! Это безумие нужно немедленно остановить! Я же знал Сколку и его жену – милейшие люди! Они не виноваты в том, что началась война! Никто ни в чем не виноват!

Но его крики потонули в визге, хохоте и бравурной мелодии герцословацкого гимна. Потом началась стрельба – уже не одиночная, из револьверов и пугачей, а планомерная. Сначала на взбесившуюся толпу обрушились пули из винтовок солдат, которых в спешном порядке привезли к консульствам. Затем затарахтели пулеметы.

Полина никак не могла понять, почему люди вокруг нее падают на землю. Вдруг она увидела кровь! Толпа взвыла, начала рассеиваться. Мужчины, расталкивая более слабых и немощных, рвались в проулки, желая спасти себе жизнь. Полина упала, не выпуская, однако, руку отца. Лев Константинович тоже полетел на булыжную мостовую. Сверху на девушку осело чье-то тело, она почувствовала горячую кровь, которая текла по ее лицу. Она ранена или эта кровь того несчастного, который упал на нее?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.